

Евгения
Морозова

ЗАБЫТАЯ СКАМЕЙКА

Евгения Морозова

Забытая скамейка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395050

ISBN 9785449098832

Аннотация

Детская любовь... Часто она оказывается единственной в жизни? Да, такое бывает. Гриша в 5-летнем возрасте подарил Оленьке цветок алой герани и поклялся, что в его жизни будет лишь она, Оленька. Он не нарушил клятву. Дети выросли и собирались пожениться. Но Ольга так и не познала семейного счастья – Гриша погиб. Прошло полвека. Встреча Ольги с незнакомцем в корне изменила жизнь их обоих. Когда человек счастлив, не так важно, сколько ему лет. И в 70 лет счастье такое же огромное, как в юности.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Уходят годы, оставляя лишь воспоминания...	10
Глава 2. Судьба играет человеком	23
Глава 3. Награжден посмертно...	34
Глава 4. С нелюбимым и день веком кажется...	42
Глава 5. Неужели это Гриша?!...	51
Глава 6. Любовь не умирает...	64
Глава 7. Поиски истины продолжаются	69
Глава 8. Бездействие равносильно предательству	76
Глава 9. Момент истины	91
Глава 10. Исповедь Татьяны	102
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Забытая скамейка

Евгения Морозова

Дизайнер обложки Любовь Третюк

© Евгения Морозова, 2018

© Любовь Третюк, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-9883-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мои дорогие и уважаемые читатели! Эта книга написана для вас.

Мой статус-пенсионерка уже более двадцати лет. Теперь появился еще один статус-начинающая писательница.

Мой возраст – 74 года, и он как раз и подразумевает максимальную занятость творчеством. Дети взрослые, у них своя самостоятельная жизнь. Помощь мамы им уже не тре-

буется.

Прожитые годы – это копилка жизненного опыта, который я просто обязана передавать младшему поколению.

Судьба моя во многом похожа на судьбы моих сверстников, родившихся во время Великой Отечественной войны. Но среди нас были и «счастливчики», которые не потеряли своих родителей в огненном котле войны. А я осталась полной сиротой в возрасте двух лет.

Мои корни из алтайского села с необычным названием Лосиха. За три года до войны моя мама ушла в город Сталинск пешком... Было ей в тот момент 14 лет, она была рослой крепкой девушкой. Поэтому ей удалось устроиться в ФЗО (фабрично-заводское обучение) и получить работу на металлургическом комбинате. Ей так хотелось учиться! Она даже сдавала кровь, чтобы как-то свести концы с концами, потому что ее мама жила в деревне и мало чем могла помочь дочке.

Разразилась Великая Отечественная война. Моя мама тут же пошла на курсы медсестер. Перед самой отправкой их группы на фронт случилась ужасная диверсия на металлургическом комбинате: обед в столовой комбината оказался смертельным более чем для полутора тысяч человек.

Моя мама выжила, но жизнь ее оказалась недолгой. Она умерла в свои двадцать четыре года, уже после войны. Вскоре умер мой отец. Диагноз их смерти был одинаков – язва желудка, в результате я осталась сиротой в возрасте двух лет.

Родителей заменила моя бабушка. Росла я здоровым и жизнерадостным ребенком. Хотя завидовала всем детям, у которых были и папа, и мама...

Жизнь моя не была праздником. Было много горя и потрясений. Но сибирские корни, крепкие сибирские гены помогали пережить все, что выпало на мою жизнь.

Так сложилось, что из-за слабого здоровья нашего малыша мы неоднократно меняли регионы проживания. И вот уже совсем недавно мы с мужем выбрали место под солнцем – олимпийский Сочи. Нас привлекли не столько величественные олимпийские объекты, сколько мощная энергетика этих мест. На дне Черного моря находятся затопленные античные города, волны выносят на берег совершенно необыкновенные камни с рисунками... Живописные горы, покрытые густым непроходимым лесом, богатая история этих мест... Хотелось бы знать, какие люди смотрели на эти же горы пятьсот или тысячу лет назад...

В период перестройки невозможно было расслабиться. Надо было выживать в сложных экономических условиях. И только с выходом на пенсию я почувствовала полную свободу выбора занятий по душе.

Я увлеклась астрологией, хиромантией и другими интересными вещами. Начала рисовать, писать стихи. Иногда я слышала мужской голос, который обращал мое внимание на события, которые как в калейдоскопе мелькали перед моим мысленным взором. И тут же появлялись слова, которые

складывались в четверостишия. Потом появились рассказы в прозе.

На момент издания книги «Забытая скамейка» вышли в свет десять моих книг. Сборник стихов, сборник рассказов и 8 художественных произведений на различные темы, начиная от событий Великой Отечественной войны и до описания приключений с элементами мистики.

Данная книга в какой-то степени основана на реальных событиях. Я всегда с интересом слушаю рассказы людей об интересных и необычных случаях. Часто какой-то случай ложится в основу художественной книги, который затем я описываю с элементом моего художественного вымысла.

Меня потрясла история, услышанная мною о солдате, который на военных учениях оказался в эпицентре авиакатастрофы, но чудом уцелел. Что с ним произошло в дальнейшем, вы найдете в описании этой книги. Главным лейтмотивом книги является любовь двух людей, которую они пронесли через всю жизнь.

Как автор, я люблю создавать художественные произведения со счастливым концом. Пусть будут испытания, пусть будет в жизни героев борьба за свое счастье, но пусть будет и их победа. Пусть люди будут счастливыми и тогда мы, читатели, можем примерить какие-то события из книги к своим личным жизненным ситуациям.

Дорогие и уважаемые читатели! Я не являюсь писателем-профессионалом. Мои мысли, ощущения устремляются

наружу, душа просит заниматься написанием книг.

Я заранее благодарна вам за внимание к моему творчеству, к героям моих книг. Желаю вам всего самого доброго и прекрасного!...

Надежда живет даже возле могил...

(Иоганн Гёте)

Глава 1. Уходят годы, оставляя лишь воспоминания...

Золотая осень в Калуге... Это время года, когда деревья расстаются с листвой, но зеленая травка еще пробивается сквозь опавшие листья, создавая ощущение того, что в жизни ничто не исчезает. Жизнь радует человека в любом возрасте. Да... И осень приносит радость, а, может быть, и тихую грусть. Какая прекрасная пора! Еще стоят теплые деньки, сухая земля, аромат осеннего леса... Это в какой-то степени прощание с летом.

— А для меня эти дни не только прощание с летом, а, по большому счету, прощание с молодостью, с Калугой. Вернусь домой и останутся лишь воспоминания о сегодняшней моей последней прогулке... — так думала Ольга Семеновна, не спеша шагая по аллейке, покрытой золотисто-желтой листвой.

Ей было грустно, она должна возвращаться домой, во Владивосток... А в глубине души все это время жила мысль, которая никуда не уходила и пыталась достучаться до ее души, уговаривая остаться в Калуге... Но, к великому сожалению, в Калуге она чувствовала совсем одинокой, поскольку уже не осталось теперь ни родных, ни друзей. Поэтому завтра она должна будет покинуть город детства, свою любимую Калу-

гу... И ей казалось, что этот день – действительно последний, проведенный ею в родных местах. Здоровье уже не такое, как в молодости, вряд ли будут силы совершать дальние перелеты еще раз сюда через всю страну, с Дальнего Востока...

Ольга Семеновна шла медленной походкой, спешить ей было некуда. Она с грустью смотрела по сторонам, пытаясь запомнить все, что видит сейчас. Ее любимый парк на высоком берегу реки уже был совершенно не похож на парк ее детства. Набережная сейчас обустроена, современный ландшафтный дизайн, деревянные лавочки, обрамленные металлической ковкой, клумбы белых и желтых осенних хризантем...

Был обычный рабочий день, на прогулку вышли лишь мамы с детишками, да еще парочки пенсионеров. А она шла одна...

Сегодня с утра она поехала на кладбище, чтобы отдать дань памяти своим самым родным людям, попрощаться с ними, теперь уже навсегда. Грустные мысли тем и отличаются от радостных, что текут как полужастывшая река... Тихо и печально... И воспоминания проходили медленно, радости ждать просто было неоткуда. Ольга была единственным ребенком в семье. Печально, что ее отец умер совсем молодым, и мама воспитывала дочку одна. Родители любили друг друга, но судьба оказалась не такой уж благосклонной к их семье.

Маму Ольга Семеновна похоронила рядом с отцом. И сегодня утром она сидела на лавочке возле дорогих могил, мысленно разговаривая с родителями. Погладила их фотографии на памятнике, поправила венки, которые принесла с собой. Поставила хризантемы в металлическую вазу, налила воды из бутылки, чтобы продлить жизнь цветам. Тяжелый комок встал в горле... Ольга Семеновна закрыла лицо руками и заплакала.

Она просила родителей простить ее за то, что уезжает и, возможно, никогда не сможет уже прийти к ним на могилку. Благодарила за то, что они дали ей жизнь, вырастили здоровой и умной девочкой. За то, что мама смогла своим примером привить дочке любовь к профессии педагога. Оленька стала учителем, как и ее мама. Благодарила за то, что мама была всегда терпеливой, говорила дочке много добрых слов, которые Ольга Семеновна до сих пор помнит.

Она с грустью думала о том, что жизнь папы оказалась совсем короткой. Он умер в возрасте 32 лет, простыл на работе, потом появился сильный кашель. Однако о смерти он никак не думал, надеялся, что все пройдет, потому что молодому организму не страшны никакие микробы... Но внезапный отек легких привел к остановке дыхания. Не успели даже довезти на скорой до больницы. Если бы это была простая простуда... Дело в том, что отец Оленьки – Семен Николаевич пришел с фронта с простреленным легким. Рана была тяжелая, однако после госпиталя отец снова вернулся в свою

часть и дошел до Берлина. А последствия ранения сказались уже после войны. Недолг был его век... Так ее мама Надежда Ивановна осталась вдовой в 27 лет. Она больше никогда не вышла замуж. Ее счастье ушло, никакой другой мужчина не смог бы заменить ей любимого Сенечку.

Погладила в последний раз фотографии родителей на памятнике, поцеловала их, вытерла слезинки и направилась в другую часть кладбища, где находилась не менее дорогая могила. Ольга Семеновна положила к памятнику венки и букет хризантем. Грустная могила, на памятнике которой написано, что здесь находятся безвременно ушедшие из жизни Кораблева Лидия Николаевна и ее сын – Кораблев Григорий Дмитриевич, погибший при исполнении воинского долга.

Ольга Семеновна снова разрыдалась. Не могла она сдерживать своих чувств. Прошло полвека, а разве стало ей легче? Нет, не стало... Судьба не позволила ей стать женой любимого человека. Она не родила сына, похожего на него. Ничто не связало их судьбы. Была любовь, которая осталась в ее сердце навсегда. Она так и осталась невестой Гриши. А замуж вышла за нелюбимого... Но что за жизнь с немилым? Быстро поняла, что не сможет так жить, и развелась. Так и прошла ее жизнь без Гришеньки, без его глаз, без его любви...

Ольга Семеновна плакала так долго, все горе и одиночество, накопившееся за долгую жизнь, она хотела выплакать и оставить тут, рядом с могилами своих родителей и Гри-

ши с его мамой. Она хотела оставить здесь часть своей души. Ведь она не сможет еще когда-либо вернуться в Калугу. Недавно ей исполнилось 70 лет.

Трудовой стаж – около сорока лет. Нужно отдыхать... Молодое поколение встало на смену. С почетом проводили на пенсию. Наградили медалью и вручили удостоверение «Заслуженный учитель России». Подарили компьютер... Ольга Семеновна улыбнулась, вспомнив свою шутку, когда на торжественном мероприятии, посвященном проводам ее на заслуженный отдых, директор вручил ей коробку с компьютером, она задала вопрос:

– Можно с помощью компьютера войти в свои молодые годы и там остаться, чтобы прожить второй раз, не старея?!

Тогда все засмеялись, но более пожилые учителя уже примеряли к себе ее ситуацию, поэтому не смеялись заливисто и весело, а лишь вежливо улыбнулись на шутку Ольги Семеновны.

Одиночество не делает человека жизнерадостным. Он привыкает разговаривать сам с собой, мало смеется, больше вспоминает о прошедших событиях, больше подвергает анализу прожитые годы. И Ольга Семеновна за последние десять лет, что уже не работала в школе, еще старалась бывать на торжественных линейках. Каждый год первое сентября встречала с другими учителями первоклашек, родителей которых она когда-то сама принимала, прошла с ними весь путь обучения... А теперь уже дети тех первоклашек при-

шли и с волнением входят впервые в свой класс.

А этот сентябрь Ольга Семеновна прожила в Калуге, в своем родном доме. После смерти мамы дом стоял всегда закрытым. Не могла Ольга Семеновна продать родительский дом. Хотя сама приезжала крайне редко. Вот и в этот раз она решила закрыть домик. Пусть он знает только своих хозяев: ее родителей и Ольгу Семеновну. А уж после ее смерти дочка будет решать, что делать с наследством.

Вышла Ольга Семеновна за ворота кладбища совсем в грустном настроении. Шла и думала о том, насколько быстротечна жизнь. Вот на этом кладбище сегодня она обошла все могилки своих друзей детства, юности, своих одноклассников. Все почти уже здесь, а она так и проживает в одиночестве свою жизнь... Правда, надо быть честной, что она не чувствовала по-настоящему одинокой.

У нее был муж, через год у них родилась дочка. Это уже во Владивостоке она вышла замуж за brave моряка, но жизнь не сложилась, развод оказался логичным завершением неудачного брака. Ольга Семеновна повторила судьбу своей матери. Обе не познали женского счастья, хотя у каждой свои причины, но результат одинаков.

Дочка Ольги Семеновны с детства мечтала изучать английский язык, поэтому по окончании школы Мирослава уехала в Москву, поступила в институт иностранных языков. Вышла замуж за прекрасного парня, который вскоре был назначен на дипломатическую работу. Улетела ее дочка Миро-

слава в Новую Зеландию, потом несколько лет они с мужем жили в Индии, затем мужа направили послом в Голландию. Теперь уже восемь лет живут в Лондоне.

Бабушка даже не имела возможности помянуть своих внуков. Первые двое мальчиков родились один за другим. А потом родилась дочка, которой дали английское имя – Камилла. С дочкой и ее семьей Ольга Семеновна встречалась очень редко. Для того, чтобы вспомнить, сколько раз дочка приезжала к маме, достаточно пальцев одной руки, даже еще останется один пальчик. Всего четыре раза приезжала дочка. Отвыкла, очевидно, от мамы. Да... горько об этом думать. Но мать успокаивала себя тем, что с дочкой у нее хорошие душевные отношения. Мирослава звонит каждый день. Деньги присылает, хотя Ольга Семеновна просит этого не делать, ей хватает пенсии. С другой стороны, дипломаты отдыхают в условиях, намного более привлекательных, чем есть во Владивостоке. Уже и внуки выросли, они бабушку видели несколько раз и уже, наверное, даже лица ее не помнят... Правда, внучка Камилла чаще всех звонит бабушке Оле.

Воспоминания не добавляли оптимизма Ольге Семеновне. Она шла, опустив голову, к своей любимой скамейке в глубине парка. Когда Оленька училась в школе, на этом месте был посажен молодой парк, на высоком берегу Оки.

Однако за полвека, которые промчались стремительно, здесь многое поменялось. Вместо частных домов – высотки, кругом понастроено множество торговых центров. Правда,

сохранился небольшой кусочек парка, который остался совершенно не тронутым цивилизацией. Скорее всего, из-за отсутствия финансирования. Здесь не было ларьков с пивом или квасом. Даже дорожки были все те же, асфальт местами рассыпался в прах от времени, но тишина и покой тут обеспечены тому, кто ищет уединения. Сохранились те же деревья, только теперь они стали высокими, а их могучие кроны прекрасно защищали отдыхающих здесь людей от летнего зноя. Осталась даже деревянная скамейка в парке, которая удачно разместилась под кроной могучего дуба, отсюда была видна река, и поля, которые и сейчас еще не отвоеваны у сельского хозяйства в пользу городской застройки.

На этой скамейке Ольга Семеновна отдыхала каждый день. Она приходила сюда после обеда, здесь наблюдала закат солнца... Наступали сумерки, и только тогда женщина вставала, прощалась с деревьями до завтра и уходила домой. Этот заветный уголок в парке навсегда сохранился в ее душе. Память хранит все, что здесь происходило. Здесь она провела все детские и юношеские годы. Еще в детстве они с подружками играли здесь, и мамы катали их на каруселях. Потом стали сюда бегать с одноклассниками. Она как сегодня помнит тот день, когда Гриша Кораблев – одноклассник, с которым она все школьные годы сидела за одной партой, признался ей в любви.

Ольга Семеновна вспоминала о Грише Кораблеве каждый день. И, странное дело, воспоминания не тускнели, сохра-

нились цвета и звуки голоса, и волнение души... Гриша ей нравился давно, буквально с детского садика. Она помнит, как мама привела ее утром в детский садик, повесила пальто в кабинку, надела на ее ножки сандалии, в которых она будет ходить в группе, поцеловала дочку и убежала на работу. Оленька заметила, что Гриша прячется за соседней кабиной и делает ей таинственные знаки. Она подошла к нему. Руку Гриша держал за спиной, вид – загадочный... Он взял ее за ручку и прошептал:

– Оля, я принес тебе подарок!

Ольга Семеновна и сегодня помнит, какие были в тот момент у Гриши глаза! Большие черные глаза, обрамленные длиннющими ресницами, они блестели, заливая своим светом маленькую белокурую девочку. Она тогда даже немного испугалась и взволнованно спросила:

– Подарок? Но у меня день рождения еще не наступил! – она смотрела на него своими голубыми глазками вопросительно и удивленно.

Гриша достал из-за спины цветок алой герани и протянул Оленьке.

У детей своя логика, Оленька вместо того, чтобы порадоваться и поблагодарить, испуганно спросила:

– Гриша, зачем ты сорвал цветок?! Тебя же мама будет ругать!

– Ну что ты, Оля! Я сегодня сказал маме, что ты – моя невеста.

– Гриша, нас же будут все дети дразнить «тили-тили тесто, жених и невеста»!

– Не будут! Я маме сказал, что женюсь только на тебе. И она разрешила выбрать для тебя любой из тех цветков, которые есть у нас дома. Я выбрал вот этот. На! – и он протянул ей алый цветочек гераньки, который был с веточкой и несколькими зелеными круглыми листочками.

Оленька прижала к себе цветок и сказала:

– Гриша, подожди, я его спрячу и пойдем в группу. – девочка аккуратно положила цветок в карман пальто, закрыла свою кабинку и сказала Грише:

– А вот теперь побежим в группу! – и они вприпрыжку побежали на второй этаж.

Ольга Семеновна остановилась, открыла свою сумочку, вынула из нее записную книжку, раскрыла пожелтевшие странички и погладила указательным пальчиком засохший цветок с еле видными розовыми лепестками. Листики тоже уже не были ярко-зелеными... Но цветок был с ней все шестьдесят четыре года... Она помнит до сих пор, как дома этот цветок положила в книгу Мойдодыр, и с тех пор эта книга была секретным хранилищем реликвий ее первой любви. Даже от прикосновения к засохшим лепесткам герани ей захотелось заплакать, сердце никак не хотело смириться с горечью утраты любимого.

Она спрятала записную книжку в сумочку и вновь в воспоминаниях оказалась в детском садике... Как в кино про-

мелькнули трогательные моменты, когда они с Гришей побежали в свою группу, он сказал ей на лестнице, остановившись на минутку:

– Оля, я не шучу. Я сказал маме, что женюсь только на тебе. Она согласна. А ты?

– Гриша, я не знаю. Надо у моей мамы спросить.

С этого дня Гриша стал настоящим защитником Оленьки. Он встречал ее у калитки детского садика, забирал Оленьку от мамы, помогал ей снять пальто и сапожки, а потом, держа за руку, вел в группу. Откуда у маленького мальчика появились эти черты взрослого мужчины, удивлялась воспитательница Наталья Алексеевна.

С годами Гриша не менялся. Дети росли и выросли вместе. О любви Гришутка больше не говорил. Но когда им исполнилось тринадцать лет, в парке на заветной скамейке Гриша серьезно сказал Оле, что она – единственная женщина, с которой он хочет прожить всю свою жизнь. В пятнадцать Гриша впервые поцеловал Олю.

Школу заканчивали они уже с определенными мечтами о будущем. Все было расписано по годам. Оленька поступает в педагогический институт. Гриша после школы уходит в Армию. Он возвращается домой, потом будет поступать в институт. А Оленька к его возвращению почти закончит учебу. Жить будут здесь же, в Калуге. Дети – это отдельная мечта...

Влюбленные Оля и Гриша уже представляли, как будут

выглядеть их дети. Первой будет девочка, а потом – два мальчика. Хорошо бы близнецы... Гриша был черноволосым, черноглазым, смуглая кожа, румянец во все щеки. Красивый парень. В противоположность Грише Оля выглядела как цветок незабудки. Голубые ее глаза были с искоркой, в них как будто жила смешинка, в любой момент готовая прорваться и прозвучать нежным, как серебряный колокольчик, смехом. Белокурые волосы крупными завитками опускались на плечи. Девушка была невысокого роста, хрупкая...

Гриша вел себя со своей возлюбленной правильно и по-мужски. Он не настаивал на физической близости. Они мечтали о свадьбе, о первой брачной ночи. Надеялись, что их счастье никогда не исчезнет как облако. Настолько оно было осязаемо, их руки сплетались в объятиях. Оленька доверяла Грише во всем.

Оля поступила в Калужский пединститут, и влюбленные виделись по-прежнему каждый день до глубокой осени. Гришу призвали в армию. Служить он попал под Ленинград. Шел 1963 год.

Ольга Семеновна шла, погруженная в свои воспоминания. Вот и ее любимая скамейка на высоком берегу Оки. Но там сидел незнакомый человек. Мужчина был пожилой, как и сама Ольга. Он сидел, опустив голову и что-то чертил веточкой на асфальте.

– Видно, не только у меня эта скамейка любимая, кто-то тоже любит тут посидеть. – подумала Ольга Семеновна

и прошла мимо, решив отдохнуть где-нибудь поблизости. Она не хотела уйти из парка, не попрощавшись со скамьей детства.

Глава 2. Судьба играет человеком

Впервые в жизни Гриша расставался с мамой и с Оленькой. Мама не могла сдержать слез. Гриша для Лидии Николаевны был всем в ее жизни. Она не представляла, как будет жить без сына. Дом пустой без Гришеньки. Но долг Родине – превыше всего. Провожали родные и невесты парней лишь до военкомата.

Гриша сказал маме и невесте:

– Не плачьте, мои родные! Не навсегда уезжаю... Вернусь, никому не дам вас в обиду! Вы – самое драгоценное в моей жизни. Я буду всегда с вами! – он обнял обеих сразу, поцеловал мать и Оленьку и скрылся за дверью военкомата.

Народ еще долго не расходился. Разлука тяжела... Всем хотелось еще раз увидеть своих сыновей. Через час подошел автобус, новобранцев строем провели в автобус. Оленька еще успела перехватить руку Гриши и пожать ее в последний раз. Гриша помахал из окна автобуса. Оля обняла Лидию Николаевну, обе плакали. Гриша видел эту трогательную картину. Он еще раз мысленно поклялся, что сделает все для своих любимых женщин, что будет в его силах. Они должны быть счастливы! Он вернется домой и все будет так, как они с Олей планировали...

Автобус с призывниками уже исчез за поворотом, а люди все стояли, вытирая слезы и про себя шептали молитвы.

о скором возвращении своих любимых мужчин.

Лидия Николаевна пригласила Оленьку к себе.

– Давай, Оленька, зайдем к нам, посидим, чайку заварим. Я утром пирожки пекла. Для Гришеньки специально. Вдвоем все-таки не так грустно будет. Меня в одиночестве тоска заест.

Оля кивнула головой. Вдвоем с гришиной мамой легче переживать разлуку. Мама накрыла на стол, и они до самого вечера сидели и говорили... Отношения между ними складывались самые добрые, семейные, а потому не было запретных тем.

Оля спросила:

– Лидия Николаевна, я ведь практически ничего не знаю о том, как прошла ваша жизнь, о вашей семье. – Ольга помолчала и спросила, сама стесняясь своего вопроса. – А где отец Гриши? Он не вернулся с войны? Гриша никогда не хотел говорить об отце.

Мать ушла в комнату и принесла несколько фотоальбомов. Фотографии маленького Гриши развеселили Олю. Фотографии детсадовской группы, где Гриша всегда находился рядом с Олей. Какой он тут забавный! На головке шапочка с заячьими ушками, и они танцуют вокруг елки на новогоднем празднике. Ольга в платьице снежинки, пышная юбочка... Гриша держит ее за ручку...

А вот они на выпускном балу. Красивая пара... Сколько фотографий! Лидия Николаевна бережно хранит их в аль-

бомах по годам. Гриша на каждой фотографии, даже в детском садике, выглядит мужественно. Как настоящий мужчина, держит Оленьку за ручку...

Ольга посмотрела на эти добрые фотографии и сказала Лидии Николаевне:

– А знаете, Лидия Николаевна, я так счастлива, что встретила в жизни Гришу. Я буду любить всегда только его. Я помню, когда он мне в детском садике подарил цветок герани и сказал, что женится только на мне!

Обе дружно рассмеялись и Лидия Николаевна ответила:

– А как же, Оленька! Помню этот важный день! Сын сказал мне, что его женой будет Оленька. А я ему разрешила выбрать любой цветок для невесты! – и вдруг на глазах матери выступили слезы... Улыбка сама собой исчезла.

– Знаешь, Оленька, как я хочу, чтобы обязательно сбылись ваши мечты! Жаль, что моим мечтам не суждено было сбыться... В начале моего жизненного пути я была уверена, что встретила надежного мужчину. После школы я поступила в медучилище у нас же, в Калуге. Жила я тогда с папой. Мама умерла достаточно молодой. В нашей группе учился парень Дмитрий Ростовский. Он был из детдома, своих родителей не помнил, но, как сказали ему в детском доме, его сняли с ростовского поезда. Поэтому дали фамилию Ростовский. Учились мы во время войны. И по окончании училища он немедленно отправился на фронт. Война уже перешла в фазу наступления нашей Армии. Трудные моменты оста-

лись позади. Дима мог бы и не участвовать в войне, но он пошел добровольцем.

Отношения между нами были такими, как мне кажется, похожими на ваши с Гришей. Дима относился ко мне, как к маленькой. Нам было хорошо вместе. Я чувствовала себя какой-то защищенной. Как говорят в народе, как за каменной стеной... Мы мечтали о будущем, у нас было много планов, и мы надеялись, что вместе нам не страшны никакие преграды. Дима ушел на фронт, я обещала ждать его. И ждала...

Вскоре после его ухода на фронт я поняла, что беременна. Родился Гриша. Мой папа жил с нами. Как он любил внука! Окончилась война. Все, кто уцелел, пришли домой. Я не теряла надежды и каждый день встречала с мыслью, что вот сегодня Дима обязательно приедет... Дима не вернулся... От него пришло с фронта четыре письма, всего четыре. Вот они.

Лидия Николаевна достала из одного альбома, который лежал отдельно от остальных, конверт, открыла его и достала четыре треугольных письма. Они были сложены так, как после войны уже никто не оформлял конверты. Это были военные письма. Лидия Николаевна развернула и прочла все по порядку. Она читала вслух и плакала. Слез было невозможно сдержать. Из писем было понятно, какие глубокие чувства питал гришин отец к Лидии Николаевне. Каждое слово было наполнено нежностью, он волновался за люби-

мую больше, чем за себя. Хотя она осталась в тылу, а он был на фронте. Письма пришли в первые полтора месяца после его ухода на фронт. Дмитрий даже не узнал, что Лидочка осталась беременной его сыном.

Лидия Николаевна читала письма, вытирая слезинки, которые неудержимо текли по ее щекам.

– Гриша родился в январе 1945 года. Война закончилась. От Димы не было ни слуху, ни духу. Но я продолжала его ждать. И сейчас жду... – Лидия Николаевна снова заплакала. – Я думаю, неужели бы он не вернулся ко мне, если бы был жив? Я не думаю, что Дима предал нашу любовь.

– Лидия Николаевна, Гриша читал эти письма?

– Конечно, читал, Оленька! Он тоже не понимал, как можно было молчать? Видно, нет его в живых. Да, посмотри, вот его фотографии.

Ольга посмотрела на фотографию и перевела удивленный взгляд на Лидию Николаевну.

– А это не Гриша?

– Нет, моя хорошая, это его отец! Посмотри, вот что он мне написал! «Нет силы, которая помешает нам быть вместе. Жди меня, моя любимая, я обязательно вернусь!»

На одной из фотографий они с Лидией Николаевной были вместе. Молодые и красивые. Счастливые... Лидия Николаевна смотрела сквозь слезы на Ольгу и спрашивала ее:

– Ну, как он мог бы не прийти к нам, если бы был жив?! Расстроенная Ольга тоже заплакала и заметила, что судь-

бы их с Гришей матерей во многом похожи.

– Смотрите, Лидия Николаевна, мой папа вернулся домой, весь израненный, но умер рано. Ему было 32 года, и мама всю жизнь прожила одна. А вы не смогли увидеть отца Гриши и не знаете, что с ним могло случиться. А если он лишился конечностей, и не захотел показаться вам в таком виде?

– Вот про это я не хочу даже думать. Я бы приняла его в любом виде. Это уж я знаю точно!

– Лидия Николаевна, не плачьте! Вот вернется наш Гриша, свадьбу отпразднуем, нарожаем вам внуков! Будем все счастливы!

– Да, девочка моя, ты права! Будем ждать писем от Гришеньки!

Гриша отозвался первым письмом через три дня. Их привезли в Ленинград, войсковая часть была километрах в 30 от города. Пока письмо находилось в пути, Лидия Николаевна свой почтовый ящик проверяла десять раз на день. Ну, вот и первое письмецо пришло! Родные буковки, любимый сыночек написал! Что за почерк, только под микроскопом различишь его мелкие буковки! Мать надела очки и с нетерпением начала читать письмо.

Гриша писал, что его направили в десантные войска, пока будет проходить учебу в специальном подразделении. Хотя и нет войны на территории Советского Союза, но мужчины должны уметь защищать Родину. Гриша просил маму про-

честь письмо вместе с Оленькой, потому что пока у него нет конвертов и бумаги, чтобы написать им отдельно. Они только прибыли в часть. Предстоит учеба.

Так прошло полгода. Гриша учился, Ольга училась в институте. На каникулах она мечтала поехать к жениху в Ленинград. У мамы в этом городе жила двоюродная сестра, и можно было остановиться у тети. А Грише обещали дать увольнительную. Гриша заканчивал учебу и в апреле уже был направлен на службу в Рязань. Теперь Ольга собиралась поехать к Грише в Рязань. Девушка отмечала каждый день до наступления каникул на календаре.

Григорий получил звание младшего сержанта. Закрепил новые лычки на погонах. Новая ответственность. Он руководил отделением, в котором было 12 бойцов. Воздушный десант – это тебе не шутки. Служба серьезная. В июне должны состояться масштабные учения. Вот после учений Грише обещали дать увольнительную на три дня.

Он ждал Ольгу, считал не только дни, но и часы... Ольга тоже с таким же трепетом и волнением ждала встречи с любимым. Сессия подходила к концу. Все шло так, как планировали Гриша с Ольгой в своих частых письмах. Иногда Гриша писал маме, иногда – Оленьке и просил их прочесть вместе, поскольку у него не было времени для написания отдельных писем, либо не было возможности купить конверты.

В этом не было ничего обидного, ведь мама и невеста Гриши виделись едва не каждый день. Обе скучали и ждали

встречи. Но время разлуки сокращалось, скоро Оленька поедет к любимому.

Григорий служил Родине. Он понимал свою ответственность как мужчина, что должен уметь защищать Родину. Служба ему нравилась. Он еще подросток за время службы на 6 сантиметров. Теперь его рост уже был 190 см. Раздался в плечах, возмужал. Он почувствовал вкус к военной службе и уже подумывал о поступлении в высшее военное инженерное училище. Григорию нравилась строгая дисциплина, четкость в действии и планирование всех действий заранее. Они уже совершили по пятнадцать прыжков с парашютом. Показатели в его отделении были прекрасными. Высадку десанта и приземление в установленном месте его ребята выполнили на отлично.

Предстояли крупные учения по всему военному округу. В учениях будут задействованы танки, пехота и воздушный десант. Григорий каждый день отрабатывал на тренажерах высадку и дальнейшее участие в операции войск. Их участие было серьезным и важным. Командир роты был уверен в каждом бойце.

Перед вылетом каждый десантник упаковывал свой парашют лично сам. Такое правило существует всегда. Предстояли обычные прыжки, как и все предыдущие. Разница была лишь в том, что на земле их ждал «условный» враг, и там будет бой, тоже условный. Но все это они уже проделывали на земле, поэтому никакой нештатной ситуации не ожида-

лось.

Они вылетели на самолете, с которого будут прыгать с парашютами. После приземления есть несколько минут для сбора в установленной точке на местности и предстоит «условный» бой на земле. В этот момент на земле тоже начались учения. Танки следовали армадой, их было не менее сорока единиц. Между танками завязалась бурная перестрелка.

Неизвестно, по какой причине, как могло произойти, но самолет, в котором находился Григорий, был подбит. Этот роковой выстрел мог быть сделан из зенитного орудия, либо из танка. Внезапное попадание снаряда в корпус самолета моментально вызвало разгерметизацию салона, один борт зиял пробоиной. В это огромное отверстие величиной в диаметре не менее полутора метров потоком воздуха выбросило несколько десантников, в том числе и Григория. Человек в подобных ситуациях как песчинка в штормовом море... Бессилен что-либо противопоставить стихии. Оставалось надеяться лишь на раскрытие парашюта.

Григорий видел все, он был в сознании. Самолет камнем падал вниз, Григорий оказался чуть в стороне от самолета. Парашют не раскрывался. Никакие манипуляции не помогли парашюту раскрыться. Григорий осмотрелся вокруг и увидел нескольких десантников из своего отделения. Только у двух ребят раскрылись парашюты. Счастливики падали с небес теперь с долей уверенности, что не погибнут.

Но у Григория парашют не раскрылся. Кроме того, он увидел, что его одежда была в клочьях, и он ужасно замерз. Но об этом думать было уже некогда – земля стремительно приближалась.

Как в кино промелькнули кадры его детства, лицо Оленьки все в слезах. Он подумал, что видит кадры будущего, как плачет Оленька по погибшему жениху. Он увидел маму, она подняла руки к небу и рухнула на пол. Боже мой! Значит, ему суждено погибнуть! Он увидел, как самолет врезался в землю и взорвался. Огромный столб пламени взметнулся вверх. Григорий все видел, он понял, что наступает действительно конец и его планам, и самой жизни. Не было времени горевать... События происходили настолько быстро, что он только констатировал происходящее, на которое влиять не мог никоим образом.

Григорий с ужасом ждал удара о землю, оставалось не более 20 секунд его падения. Дальше его тело расплющится в лепешку, и не суждено ему никогда уже вернуться домой к маме и к Оленьке... Жизнь будет продолжаться, будут жить и радоваться люди. Но это будет их радость. Как будто секундомер в его мозгу отсчитывал последние секунды жизни...

Воздушная волна от взорвавшегося самолета достигла высоты, где находился Григорий, а это происходило почти у самой земли. Его со страшной силой подбросило вверх, голову его сжало как будто раскаленными тисками. Ему показалось, он воспламенился. Так это или нет, Григорий уже не мог по-

нять. От боли он потерял сознание.

Глава 3. Награжден посмертно...

Сам Григорий не понимал и не видел дальнейших событий. Для него это так и останется загадкой, что с ним случилось, кто он и где находится... Взрывной волной от взорвавшегося самолета его отбросило еще дальше от эпицентра взрыва. Сначала взрывная волна подбросила его вверх, а потом он камнем стал падать вниз. Видно, не здесь должна была окончиться его жизнь. Он падал без парашюта, внизу был невысокий кустарник, в который он рухнул.

Григорий не помнил ничего, не чувствовал боли. Может быть, это обстоятельство и спасло ему жизнь. Он не испытывал болевого шока, хотя был обгоревший и почти без одежды. Падение с высоты оказалось для парня удачным, если можно сказать о таком событии. Невысокие густые кустики спружинили, и он упал на них как на матрац. Однако, тело и лицо уже представляло единую кровоточащую рану. Так он и остался среди невысокого кустарника, снаружи его невозможно было заметить. Он лежал на земле, не подавая признаков жизни.

Сколько времени прошло, неизвестно. Молодой и сильный организм никак не соглашался оставить земную жизнь. Григорий пришел в себя. Ужасная боль вызвала стон. И этот его собственный стон вернул Григория в реальность. Он не видел ничего вокруг. Хотел понять одно: либо была тем-

ная ночь, либо для него наступила вечная темнота. Парень попытался открыть глаза. Над ним сквозь листья кустарника мерцали звездочки... Значит, не ослеп, уже хорошо...

Он ощупал себя, его одежда висела лохмотьями, тело побелело ужасно. Григорий пытался ощупать ноги. Они были целы. Хотя прикосновение своей рукой вызывало сильную боль. Каждая клеточка тела отзывалась болью. Левая рука невыносимо болела, и он не мог пошевелить даже пальцами. Ужасная боль проникала в сердце, что он даже дышать не мог. Такое падение с высоты более чем тысяча метров могло быть и еще менее удачным. Слава Богу, что жив. Глаза видят. Правда, стояла ночь и разглядывать особенно было нечего, но все-таки кустарники и просвет между ними Григорий увидел. Он попытался встать, но не мог. Тогда он предпринял попытку передвигаться переворачиванием тела. Но боль в левой руке не дала ему использовать такой способ передвижения. Он пытался держаться правой рукой за кустарник и подняться на ноги. Невероятными усилиями, превозмогая боль, парень выполз наружу.

Наступил рассвет. С трудом поднявшись на ноги, поддерживая больную руку другой рукой, он сделал попытку все-таки идти. Каждый шаг давался с огромной болью. Он шел по открытой местности. Дошел до вспаханного поля, перешел его и пошел дальше. Передвигался медленно, но упорно. Кровь сочилась из многочисленных ран. Григорий боялся умереть от потери крови. Поэтому к рассвету он ото-

шел от места падения километра на два. К счастью, с дороги его заметил тракторист, который вспахивал поле под посев озимых. Он остановил трактор и бегом бросился к идущему окровавленному человеку. Тракторист слышал, что вчера днем неподалеку от их села упал военный самолет.

Парень даже не мог понять, что к нему пришло спасение. Он упрямо шел вперед, не обращая внимания на тракториста. Тракторист – молодой парень Виктор Тищенко, пытался остановить еле идущего парня, за которым волочилась одежда, а за ней на ремнях-парашют, который так и не раскрылся. Но Григорий уже мало что понимал. Тогда Виктор подхватил парня и потащил его в кабину трактора. До села было всего несколько километров. Григорий на тракторе был доставлен в сельскую больницу. Там ему обработали раны, перебинтовали голову. Лицо Григория представляло кровавую маску. Ожоги и падение с высоты для солдата закончились потерей здоровья, но ведь не смертью!. Ноги целы, рука одна сломана. Раны на лице заживут, главное, глаза целы. Жив, курилка!

Виктор Тищенко радовался, наверное, больше всех. Он не оставил Григория, дождался приезда военной машины скорой помощи и поехал вместе со спасенным им парнем. Он и сам не знал, почему так волновался за неизвестного парашютиста. Душа того требовала, и все тут! Григория доставили в военный госпиталь.

Необходимо было полное обследование. На вопрос, как

его фамилия, имя и отчество, Григорий только пожал плечами. Он не мог вспомнить ничего. Так же он не мог рассказать, как оказался на поле, кто он сам, где его родители, где он живет. Все вопросы остались без ответов. В карте написали на месте фамилии три слова «спасенный трактористом Тищенко». Так и называли его как бы по фамилии – Спасенный.

Здоровье Григория медленно приходило в норму. Да, что там норма! Рука в гипсовой повязке. Сердце работало с перебоями. А лицо... Когда он взглянул на себя в зеркало, он с ужасом отбросил зеркало в угол. Только осколки со звоном разлетелись по палате. Он был в ужасе от увиденного. На лице остались лишь черные глаза, а все остальное слилось в фиолетовую маску.

К нему часто приходил Виктор Тищенко. Он отпрашивался с работы и ездил в Рязань в военный госпиталь, чтобы навестить братишку, как он называл Григория. Память отказалась служить солдату. Когда, наконец, зажили раны на лице, Григория можно было уже выписывать из госпиталя. Но куда? Он не знал, куда идти. Кто он, где его родные? Лицо было обезображено шрамами и в нем уже не угадывались красивые черты прежнего Григория Кораблева.

Наконец, после длительного разбирательства, Григорию выдали документы на имя Анатолия Петрова. По росту и комплекции он напоминал Анатолия Петрова. А домой к Лидии Николаевне Кораблевой был отправлен представи-

тель войсковой части с урной с прахом и документами, подтверждающими, что Кораблев Григорий Дмитриевич погиб при исполнении воинского долга. Старший лейтенант, доставивший урну с прахом Гриши, прибыл в Калугу за день до отъезда Ольги в Рязань.

Был конец рабочего дня. Мать вернулась с работы из поликлиники, где она работала уже более двадцати лет, а во дворе ее дома сидел военный. Со спины она уже поняла, что это не ее Гриша, этот парень был невысокого роста и щупленький. Тогда как ее Гриша ростом под два метра, широкоплечий... Лидия Николаевна с волнением забежала во двор и с глазами, полными ужаса, смотрела на старшего лейтенанта. Военный говорил какие-то слова, его губы шевелились. Это видела Лидия Николаевна, но не понимала ни слова, она оглохла от охватившего ее ужаса...

Военный подхватил падающую мать на руки и внес ее в дом. Положил на диван и метался по квартире в поисках телефона. Ни о каких мобильных телефонах в середине шестидесятых лет двадцатого века не было и речи. Надо было искать домашний телефон. В этот момент в дом вошла Ольга. Утром следующего дня она должна была выехать в Рязань к Грише и теперь пришла забрать подарки от мамы. Но застала ужасную картину. Лидия Николаевна без чувств лежала на диване, а рядом бегал офицер, которого она ранее никогда не видела в этом доме.

Ольга знала, где в доме Гриши лежит аптечка. Она быст-

ро сориентировалась и уже через несколько секунд поднесла к носу Лидии Николаевны ватку, смоченную нашатырем. Мать моментально очнулась, увидела Ольгу. Слабым движением руки она показала на стол. Ольга перевела взгляд в этом направлении. На столе стояла урна, на которой каллиграфическим почерком сделана гравировка на камне «Кораблев Григорий Дмитриевич 1945—1964гг»

От ужаса Ольга оцепенела, она не могла даже рукой двигаться. Она побледнела и со страхом смотрела на урну. Лидия Николаевна приподнялась с дивана, подошла к столу, взяла в руки урну с прахом сына и тупо смотрела на надпись. Несколько секунд она стояла, покачиваясь на месте, потом протянула руки вверх, как будто показывая урну с прахом сына Богу, и спрашивая его, как мог допустить Отец Небесный такую трагедию, и замертво упала на пол. Скорая помощь уже в любом случае не могла бы помочь бедной матери. Ее жизнь потеряла всякий смысл без сына.

Ольга была единственным и самым близким другом семьи своего жениха, поэтому она не ушла из дома Лидии Николаевны, взяла на себя ответственность за похороны. Урну с прахом Гриши положили в гроб матери. Родственников у Лидии Николаевны в Калуге не было. Дом, принадлежащий Кораблевым, закрыли, забили окна. Ольга забрала из дома Гриши только альбомы с фотографиями.

Огромное горе свалилось на Ольгу. Несчастная девушка на несколько месяцев выпала из реальной жизни. Она лежа-

ла в полной прострации на кровати и молча смотрела в потолок. Лето закончилось, но Ольга не пошла в институт. Жизнь остановилась. Она вспоминала каждый день, проведенный вместе с Гришей, каждое его слово казалось ей умным, правильным. Она окончательно поняла, что ни один мужчина в жизни ее больше не сможет заинтересовать. Ее мама – Надежда Ивановна пыталась всеми силами вернуть дочь к жизни. Но все было понапрасну. Ольга даже не смотрела в сторону матери и слов ее просто не слышала. Она похудела, почернела, темные круги под глазами делали ее девичье лицо похожим на высохшую маску с коричневой кожей. Только глаза чистого небесного голубого цвета смотрели с невыразимой мукой... Ольга-то не потеряла памяти. Она все помнила. От этого ей было еще труднее пережить трагедию.

Перед ней на столе лежали документы, подтверждающие смерть Гриши и медаль «За безупречную службу», которой наградили Григория Дмитриевича Кораблева – посмертно.

Спустя восемь месяцев Ольга встала с кровати и позвала мать. Надежда Ивановна прибежала в комнату.

– Доченька, что с тобой? Ты встала, тебе стало полегче? Моя родная, давай покушай бульончик. Вот сейчас сварила, моя детка. Я тебе сейчас принесу!..

– Мама, подожди. Присядь. Я тебе сейчас расскажу сон. А, может, это был и не сон. Все было как наяву. Я видела Гришу.

– Да ты что! Расскажи, Оленька!

– Я сижу у могилы Гриши и Лидии Николаевны. Плачу и не могу остановить слезы. Вдруг ко мне подошел Гриша, потрогал меня за плечо и сказал, как всегда, весело и с улыбкой:

– Моя любимая, ты почему меня оплакиваешь? Ведь я жив! Ты приходи ко мне, тебе нельзя болеть! Ты мне очень нужна!

Мамочка, я стала спрашивать Гришу, где он сейчас, но он ничего не ответил мне, махнул рукой куда-то в сторону и растворился в воздухе. И вот я думаю, мне показалось это, может быть, я придумала себе спасительный сон?

– Нет, дочка, не придумала! Это так и есть. Но что могло такое произойти, что он не вернулся? Ведь сейчас не военное время. Где-то он есть. Может быть, нам с тобой надо заняться поисками? Поедем в часть, может, кто остался жив после тех событий, и мы что-нибудь узнаем.

Однако Ольга покачала головой и сказала матери:

– Мама, ехать туда не надо, мы можем написать в часть письмо. Нам ответят что-то. Тогда мы будем строить следующие шаги в поисках. А пока мне надо сил набраться, чтобы Гришеньку найти. Мама, я должна быстро выздоравливать. Давай свой бульончик. Я начну есть, мне некогда теперь болеть. Гришенька меня ждет!

Глава 4. С нелюбимым и день веком кажется...

В институте Ольгу встретили после долгого отсутствия очень дружелюбно. Все друзья старались помочь ей усвоить материал, ведь она не занималась почти весь год. У Ольги открылось второе дыхание. Если Гриша жив и связи с ним нет, значит, есть какие-то причины, мешающие ему появиться. Он не знает, что мама умерла, получив урну, на которой написано его имя.

Письмо из части не прояснило ситуации. Ей подтвердили, что Григорий погиб при выполнении воинского долга. Она даже не могла настаивать на дальнейшем расследовании, опираясь лишь на сон... Однако девушка понимала, что если она не будет здорова, ей никогда не разыскать Гришу. Поэтому она начала есть, запасаться физической силой. Сдала экзамены вместе со студентами своей группы.

Летом она поехала в Рязань в войсковую часть, чтобы поговорить лично с командиром. Конечно, никакой информации Ольга не получила, командир ссылаясь на военную тайну. Информация не подлежала разглашению гражданским лицам. Оставалось только надеяться и верить своему сну.

Какими бы сильными ни были страдания, Ольга продолжала учиться. Уже окончен педагогический институт. Ольга

сдала все экзамены на отлично, получила красный диплом и направление на работу в Приморский край. А уже во Владивостоке ей дали направление в одну из школ, в которой Ольга Семеновна проработала до самой пенсии.

Как молодой специалист, она получила квартиру, пусть и небольшую, но две комнатки стали ее собственными, и это было прекрасно. Обустроив свое жилье, Ольга не спешила что-то менять в личной жизни. Прошло три года. Возвращаясь как-то с работы, она решила пройти на набережную, где море плескалось почти у самых ее ног. Там легче всего ей было привести свои душевные чувства в состояние покоя. Здесь она могла поплакать в одиночестве, потом посидеть тихонько, представляя, что Гриша видит ее и поддерживает, просит не плакать. Часто ей казалось, что он говорил, чтобы она его ждала... Уже затемно Ольга вставала со скамейки и шла домой.

Но в этот день ей не суждено было посидеть в одиночестве. К ее скамейке приблизился молодой мужчина и поинтересовался, можно ли присесть рядышком. Ольге ничего не оставалось, как кивнуть в знак согласия. Он присел, но тут же снова пытался заговорить с Ольгой. Она повернулась к незнакомцу и обомлела. Ей показалось, что перед ней Гриша.

Видно, ее остановившийся взгляд был таким, что мужчина воскликнул:

– Девушка, вам плохо?

– Со мной все в порядке. – эти слова она произнесла еле слышно.

– У вас взволнованный вид. Или вы меня приняли за привидение? – парень пытался шуткой вывести Ольгу из шокового состояния.

– Как вас зовут?

– Николай. А вас?

– Ольга.

Ольга вдруг почувствовала, что ей не хочется расставаться с этим человеком, как две капли воды похожим на ее Гришу. Так они познакомились, а через год поженились. Николай был профессиональным моряком. По возрасту оказался чуть постарше ее. Его профессия предполагала большую часть года проводить в море. Он работал механиком на рыболовецком судне. Вскоре Ольга поняла, что когда Николай находится на суше, его непреодолимо тянет в ресторанчик, в кафе, где можно не просто посидеть, поужинать, а хорошо продегустировать напитки в полном ассортименте. Они много раз ссорились из-за пристрастия его к алкоголю. В конце концов, Ольга подала на развод, после которого они остались с Мирославой вдвоем. Она успокоилась и посвятила всю свою жизнь воспитанию дочери и работе...

Девочку Ольга назвала именно тем именем, которое они с Гришей придумали для своей дочери. И еще Ольга поняла, что никакие черты лица, напоминавшие ей Гришу, не приносят счастья. Это не сам Гриша, а только случайное внеш-

нее сходство. Поэтому самое лучшее, что она могла сделать – развестись... Она развелась и поняла, что ее судьба – прожить одинокую жизнь без Гришеньки. Дочка уехала на учебу. Мама еще жила в Калуге. Совсем старенькой стала. Ольга предложила маме переехать к ней во Владивосток. Мама согласилась. Но сменив город и окружение, старушка совсем затосковала, начала хандрить и попросила дочку отвезти ее в родную Калугу. Она хотела прожить остаток жизни в своем домике и быть похороненной рядом с мужем.

Ольга исполнила все просьбы мамы. А теперь сама такая же старенькая стала. Ольга Семеновна встала со скамейки, стоявшей рядом с молодой березкой, погладила ее белый ствол, мысленно с ней попрощалась и направилась в сторону своей скамьи, надеясь, что пожилой мужчина уже, наконец, покинул ее любимое место.

Однако мужчина все так же сидел, он был точно в такой же позе, что и час назад. В руке он держал тоненькую сухую веточку, которой чертил на траве что-то. Ольга Семеновна подошла и негромко спросила:

– Могу я присесть с вами рядом?

Мужчина поднял лицо. Ольга Семеновна едва сдержалась, чтобы не отшатнуться: лицо человека было обезображено шрамами, ужасными рубцами... Очевидно, мужчина призыв к тому, что люди пугаются его внешности... На его лице промелькнуло что-то похожее на улыбку и он спокойно ответил:

– Пожалуйста, присаживайтесь! Место не занято. Сожалею, что так испугал вас своим видом. Но я не кусаюсь. – и продолжил водить веточкой по траве, больше не обращая никакого внимания на незнакомую женщину.

Ольга Семеновна присела с краешка скамьи и посмотрела, что там так сосредоточенно чертит незнакомец. Она проследила за движением его руки и увидела совершенно отчетливо имя – ОЛЯ. Буквы были на бриллиантовой зелени видны так четко, что сомнений не оставалось – мужчина осознанно обозначил женское имя – Оля... Он просто отодвинул веточкой желтую листву, сделав буквы зелеными. Травка была еще густая и яркая... Ранняя осень еще не коснулась заморозками земли и травка особенно ярко выделялась на фоне золотистой листвы.

Она обомлела. Какой шок! Она хорошо помнила, как Гриша всегда на этой скамейке вот также выводил ее имя. Летом это были на зеленой травке белые головки ромашек или пушистые головки одуванчиков, но всегда Гриша выкладывал только эти три буквы. Она была близка к обмороку. Однако Ольга Семеновна собрала все силы в кулак и, стараясь быть спокойной, спросила:

– Извините, вам дорого это имя?

Мужчина повернулся к ней. Его глаза были темнокарими, почти черными. Было видно, что мужчина уже достаточно пожилой. По лицу-то ничего не определишь, оно сплошь в шрамах, но руки и шея покрыты мелкими морщинами. Во-

лосы его совершенно седые, но стрижка чуть ли не модельная. Красиво уложены... Сколько контрастов! Похоже, они внимательно разглядывали друг друга.

Ольга подумала, что ей совершенно не противно, что незнакомый человек ее так внимательно рассматривает. Она сидела и смотрела ему прямо в глаза. Поскольку он не отвечал на ее вопрос, она взглядом показала ему на зеленые буквы, так красиво выделявшиеся среди желтой листвы и снова задала вопрос:

– Оля, это ваша жена?

Он рассеянно спросил:

– Какая Оля?

– Имя, которое вы выложили на траве – Оля. Это кто? – она почувствовала, как воспоминания захлестывают ее бурной волной, ее голос дрожал. Она готова была еще несколько раз спросить, и узнать, почему этот человек именно так выкладывает имя на травке, как шестьдесят лет назад начал делать это ее Гриша.

Мужчина покачал головой и ответил задумчиво:

– Я не знаю, кто такая Оля.

– Но вы же написали это имя!

– И что? Мне кажется, что это очень красивое имя. – Он повернул голову к ней, как будто рассматривая ее, но она поняла, что мужчина смотрел сквозь нее... Он смотрел куда-то в прошлое. Очевидно, на этом месте была Оля из его прошлого. Какой-то он странный...

У Ольги вдруг бешено заколотилось сердце... Ей казалось, что незнакомый мужчина услышит его стук. Она прижала руку к груди и затихла. Надо успокоиться! Вразнос нервы пошли... И она неожиданно для себя спросила:

– Как вас зовут?

Он долго молчал, как будто вспоминая. Наморщил лоб, потер его ладонью, помолчал и неуверенно сказал:

– Как будто Анатолий.

– Почему «как будто»? Вы не уверены в своем имени?

– Не спрашивайте. Я не помню. Может, я и Анатолий.

У Ольги тревожно билось сердце. Она хотела докопаться до истины, почему мужчина не уверен, что он – Анатолий. А он отчего-то занервничал. Видно было, что не очень нравятся ему расспросы незнакомой женщины. Ольга решила сказать, что ее имя как раз тоже Ольга.

И она сказала:

– Анатолий, а меня зовут Ольга.

Он быстро взглянул на нее. Его черные глаза заблестели, в них показались слезы... Он сидел такой растерянный и повторял еле слышно:

– Ольга, Ольга, Оля, Оленька... – из глаз его текли слезы.

Ольгу совсем подкосила его реакция. Она склонилась к нему, положила свою руку на его руку и спросила:

– А где эта Оля?

– Я не знаю... – растерянно ответил Анатолий.

Это уже не было простой шуткой, что человек не уверен

ни в чем и ничего не знает. И Ольга решила идти дальше в этой непонятной ситуации.

– Анатолий, где вы живете? – он неопределенно махнул рукой в сторону города. – Там, на улице Липовой.

Сердце замерло от волнения... Гриша тоже когда-то жил на Липовой.

– А номер дома какой?

– Кажется, 17.

Ольга едва не потеряла сознание. Анатолий живет в доме Гриши! А может ведь и такое случиться, что это Гриша... Они стали пожилыми людьми, неузнаваемыми. И еще ожоги у него на лице. Но глаза – тоже карие. Даже как будто похожи на гришины.

– А хотите, я с вами погуляю и провожу вас до дома?

– Если хотите, пойдемте!

Они поднялись со скамейки и не спеша пошли по аллее-ке вдоль берега реки в сторону города. Сам парк был уже не в центре. Город разросся в другую сторону, а их район так и остался окраиной. Поэтому улица Липовая была районом частных домов. Здесь не было высоток. Вместо некоторых старых домиков уже возвышались великолепные особняки с башенками, с крутыми крышами, в несколько этажей.

Пока они шли, Ольга осторожно расспрашивала Анатолия.

– Вы часто приходите сюда?

Он отвечал односложно и спокойно.

– Каждый день!

– Но я здесь уже две недели и в парке на этой скамейке вас не видела ни разу.

Мужчина ответил безразличным голосом.

– Я немножко приболел. Поэтому в парк не ходил.

– А вы тут с кем-нибудь встречаетесь или все время в одиночестве прогуливаетесь в парке?

– Да... В одиночестве.

– А где ваша семья, Анатолий?

– Я детдомовец. Никакой семьи нет.

– А как вы давно живете на улице Липовой?

– Не помню. Давно живу.

– А в своей фамилии вы уверены?

– Петров. Анатолий Васильевич Петров. Так в документах написано.

Глава 5. Неужели это Гриша?!...

Солнце клонилось к закату. Ольга с Анатолием не поехали на трамвае, а совершили пешую прогулку и подошли к его дому. Сердце ее выскакивало. Ольга решила отменить авиабилет. Сегодня, в 2015 году, это оказалось совсем просто. Интернет подключен к любому мобильному телефону. Ольга решила остаться в Калуге до выяснения ситуации. Надо выяснить, если Анатолий – это Гриша, то и через полвека она может стать счастливой. Значит, хоть остаток жизни, но она посвятит любимому человеку.

Ольга была в таком возбужденном состоянии... Какими словами она могла бы рассказать о своих эмоциях? Слов не было... Она шла по знакомой улице, рядом с ней шел Анатолий. Он говорил только тогда, когда Ольга спрашивала. Тогда он спокойно отвечал. Его не одолевал словесный понос, когда незнакомому человеку выкладывают самое личное, сокровенное. Она подумала:

– А ведь Гриша вел бы себя точно так же. Он и в школе не был болтуном. Неужели это Гриша?

Они шли медленным прогулочным шагом. А вот уже и калитка. Много поменялось в этом районе, но гришин дом остался в таком же виде, как и полвека назад. Правда, крыша отремонтирована, но деревья были те же самые, и те же окна деревянные, хотя люди уже забыли о деревянных рамах,

мода пошла на пластиковые окна.

Домик был тот же, только на нем лежала печать одиночества. Во дворе уже ощущалось отсутствие женской руки. Не было цветов. Только росли ромашки, как на лугу. Травка во дворе еще не увяла. Но опавшая листва с деревьев была аккуратно собрана и сложена в бочку для приготовления компоста на следующую весну. Анатолий открыл навесной замок, который висел для вида, поскольку не был закрыт ключом. Хозяин просто снял замок, и они вошли. Ольга волновалась так сильно, как никогда в жизни. У нее тряслись руки. Да, что там руки. Она идти-то не могла твердым шагом. Ноги тряслись, она боялась упасть...

– Пожалуйста, проходите! – И он сделал рукой приглашающий жест. Точно также всегда делал Гриша, когда они приходили к нему в дом.

Ольга без сил опустилась на стул, который стоял у стола. Она прикрыла глаза рукой.

Анатолий увидел, что женщина чувствует себя не совсем хорошо. Он быстро налил ей воды в стакан и сказал:

– Ольга, вам плохо?

– Нет, не беспокойтесь. Просто слабость.

– Я сейчас чай заварю. Люблю собирать травы сам. А вы любите чай с лесными травками?

Снова у Ольги состояние полуобморочное. Они с Гришей часто собирали травы за рекой. Там еще в ту пору были луга. Это сейчас возвышаются новые микрорайоны. Однако Ольга

нашла в себе силы, чтобы ответить хозяину дома:

– Да, люблю.

Пока Анатолий хлопотал на кухне, Ольга осмотрелась. В доме была скромная обстановка, но было идеально чисто. Нигде не было ничего лишнего, не разбросана одежда. На стене висело несколько фотографий в рамках. Она подошла к стене и пыталась понять, кто же тут изображен. Боже мой! Вот на этой фотографии Лидия Николаевна с маленьким Гришей. А это Гриша в костюме зайчика танцует под елочкой. А девочка в костюме снежинки кружится рядом с ним. Это же их с Гришей детская фотография. Она вставлена под стекло в рамку, а фотография там совсем уже старенькая. На ней изображены молодые люди. В женщине Ольга узнала маму Гриши – Лидию Николаевну, а рядом с ней был молодой человек, удивительно напоминавший внешностью молодого Гришу. Ольга вспомнила эту фотографию. На ней были гришины родители. Ее показывала Ольге сама Лидия Николаевна в тот вечер, когда они проводили Гришу в Армию и коротали вечер вдвоем.

В этот момент в комнату вошел Анатолий. У него в руках был поднос, на котором были чайные пары, в маленькой вазочке конфеты и печенье. И несколько красных яблок.

– Ольга, я вас приглашаю. Небогато живу, но, как говорят в народе, чем богаты, тем и рады! Вот яблочки из моего сада. Присаживайтесь, вот сюда! – и он подвинул Ольге стул. Потом сел за стол сам.

Они пили чай и говорили об урожае яблок, о том, где Анатолий собирает травку для чая.

Наконец, она решила задать Анатолию важный вопрос:

– Анатолий, а вот на этих фотографиях кто снят? Вот эти детишки и молодые люди. Вы их знаете?

– К сожалению, не знаю. Видимо, это фотографии бывших хозяев. Но у меня рука не поднимается, чтобы их снять со стены. Пусть висят. – Анатолий поднялся. Он был такого же роста, как и ее Гришенька. У него сохранилась легкая походка.

Он подошел к портрету, погладил ладонью стекло.

– Каким-то теплом веет от фотографий. И я часто на них смотрю. Но иногда грустно становится.

– А мне кажется, Анатолий, что вот этих детишек я узнаю. Эта девочка – я. А мальчик – Гриша. Григорий Кораблев!

Анатолий вздрогнул.

– Кто? Гриша? А это вы, Ольга?

– Да, Анатолий! Это я, а мальчик – Гриша. Может быть, это вы в детстве? Может быть вы – не Анатолий, а Гриша?

Наверное, имя Гриша было ему чем-то близким, потому что реакция на это имя оказалась бурной и неожиданной. Он быстрыми шагами ходил по комнате, зажав голову руками, потом опустился на диван, закрыл лицо руками и застонал.

Ольга подошла к нему, положила свою руку на его голову, наклонилась и поцеловала его в макушку.

Как мать целует ребенка, который нуждается в ее ласке.

– У меня ужасно болит голова... Сил нет терпеть. Уже многие годы. – простонал Анатолий.

Ольга не отнимала свою руку. Она гладила его по голове, по плечам. Ей самой хотелось кричать, рыдать, бежать куда-то... Или спрятаться в руках этого мужчины, больного и одинокого. Но она сдерживала свои порывы, боясь напугать незнакомого человека. Да, конечно, надо быть более сдержанной. И она спросила:

– Как давно у вас головные боли? Что их вызвало в первый раз? Вы проходите лечение?

Ольга присела рядом с ним на диван, Анатолий сидел как потерянный. От внезапной ласки незнакомой женщины, от ее интереса к нему и участия у него появилось желание уткнуться в ее руки и выплакать все то горе одиночества, которое преследовало его всю жизнь. Он не помнит о себе ничего, совсем ничего... Но он же мужчина, а не слезливая барышня. И Анатолий сдержал свой порыв.

На вопрос Ольги он ответил довольно спокойно:

– В Армии я получил травму и потерял память. Теперь с этой травмой живу всю жизнь.

– А как это произошло?

– Вот и это для меня остается загадкой. Я помню лишь то, что мне рассказывали в госпитале. Сказали, что это произошло на учениях. Упал наш самолет. Парашют, как мне сказали, у меня не раскрылся... Да, еще есть документы, подтверждающие мою инвалидность. А что было раньше, как сек-

рет, скрытый за семью замками, за морями и океанами. Когда мне выдавали после госпиталя документы, сказали, что я детдомовский парень, и что у меня нет родных.

Ольга понимала, что она вскоре приблизится к разгадке этой давней истории, где было наделано немало ошибок. И, скорее всего, Анатолий – это ее Гриша.

Был уже глубокий вечер и просто неприлично оставаться дольше в гостях у незнакомого мужчины. Ольга попросила Анатолия проводить ее до дома. Она живет не так далеко отсюда. Хотя ей хотелось разговаривать с этим человеком всю ночь и пусть через 50 лет, но выяснить правду. Неужели ее Грише выпала такая судьба прожить всю жизнь, не помня никого и ничего. А ведь она ждала его все годы...

В свете уличных фонарей Анатолий видел и ее дом, в котором, если он был Григорием, у него могли проснуться какие-то воспоминания. Но он был совершенно спокоен. Поскольку Анатолий не проявлял никакой инициативы, то Ольге пришлось самой предложить ему завтра встретиться и погулять в городе и в парке. Анатолий сразу же согласился.

– Хорошо! Может, я за вами зайду и отправимся куда-нибудь?

– Часов в 11 утра. Хорошо?

Ольга протянула руку Анатолию. Он легонько пожал ее руку и неожиданно для нее наклонился и поцеловал ее в ладонь. Ольгу снова охватило то же самое чувство волнения, как сегодня днем в парке, когда она увидела свое имя, ко-

торое человек, потерявший память, все-таки не забыл... Он держал в голове это имя, несмотря на все... Ольга не могла сдержать своих чувств, она погладила его по голове, когда он целовал ее руку. Здесь они волновались уже одинаково. Только волнение Ольги было осознанным. Она до сих не забыла запах Грищи. И хотя между ними в годы юности еще не было близости, но она любила сидеть рядышком с Гришей, склонив головку к нему на плечо, а еще ей хотелось прижаться к его сильной груди и замереть в его сильных и нежных руках... Он любил целовать ее ладони... А вот Анатолию сердце подсказывало, что эта женщина ему не чужая...

Сейчас момент был чем-то похож на эпизоды юности. Анатолий в порыве чувств обнял Ольгу, и она, как в юные годы, прижалась к его груди. Он гладил ее по голове, по плечам. По его телу пробежала мелкая дрожь. Несомненно, он волновался и не мог сдержать своих чувств. Ольга окончательно поняла, что судьба подарила ей счастье. Бог подарил ей встречу, пусть и в семидесятилетнем возрасте. А сердцу не столь важно, сколько лет его хозяину. Важно, что сердце сохраняет способность любить в любом возрасте. Ольга обняла Анатолия. Вот так обнявшись они стояли несколько минут. Им не хотелось расставаться.

Ольга плакала, уткнувшись в грудь Анатолию. Он гладил ее по голове и как маленькой девочке тихонько шептал:

– Оленька не плачьте! Ну, пожалуйста! Я вас прошу!

Вдруг ему в голову пришла мысль, которую он тут же озвучил:

– Вы что, меня жалеть собрались? Так мне ваша жалость не нужна! – и он сделал попытку отстраниться от Ольги.

– Анатолий, о какой жалости вы говорите?

– Я привык к одиночеству и не хочу никакого участия в своей судьбе!

Она ничего не произнесла в ответ, но ее слезы подействовали на Анатолия. Он продолжал все также обнимать ее, а она обливала слезами его грудь. Он гладил ее по волосам, смахивал с ее лица слезинки... Ольга вспомнила, что еще не отменила свой авиабилет. Он попрежнему обнимал Ольгу, а она прижалась к его широкой груди и обнимала его за плечи. Это было настолько волнительно для них обоих. Ольга в этот момент окончательно решила отменить билет и сказала Анатолию.

– Анатолий, а завтра утром я должна лететь во Владивосток. У меня билет.

– Минутка, Оленька! Мы же с вами договорились завтра пойти погулять в город. А сейчас вы говорите, что должны улетать? А как же я?!

В его голосе звучала такая растерянность. И Ольга произнесла, подняв голову и заглядывая к нему в глаза:

– Я хотела с вами посоветоваться. Может быть, мне отменить вылет? Как вы думаете?

Анатолий погладил ее по лицу, вытер слезинки с ее щек,

и сказал:

– Оленька, конечно, надо отменить билет. Я вас очень прошу об этом!

– Да, я так и сделаю.

– Спасибо, Оленька! Я счастлив, что вы так решили... Я не могу с вами расстаться! Мне кажется, что я знаю вас всю жизнь. Вы мне очень нужны. Хорошо, что вы остаетесь!

Ольга автоматически отметила про себя, что ей совершенно все равно, как выглядит Анатолий. Ужасные шрамы на его лице никак не влияли на ее отношение к нему. И она подняла свою руку и погладила его по щеке. Он поймал ее руку и поцеловал.

Вдруг он рассмеялся. Ольга тихо спросила:

– Какая смешинка прилетела?

– Оленька, я подумал, что мы еще не состарились, если встретились и не хотим расставаться. А я был уверен в том, что в свои семьдесят лет уже никогда не испытаю счастье. Я настолько одинок всю жизнь. У меня никогда не было отношений с женщиной.

– Анатолий, значит, расстаемся до завтра?

– Да! Завтра я зайду за вами и пойдем куда-нибудь. Мне все равно, куда. Лишь бы быть с вами рядом!

Наконец, они распрощались. Ольга вошла в свой дворик, обернулась и помахала Анатолию рукой. Он никак не хотел уходить, продолжая стоять на том же месте. Ольга включила свет. Ей хотелось петь и прыгать как в детстве. Сердце

подсказывало ей, что она приняла правильное решение, когда захотела остаться в Калуге. И теперь она без колебаний включилась в интернет и отменила свой вылет. Время позволяло это сделать.

Уже шел второй час ночи, а Ольга никак не могла успокоиться. Она ходила по комнатам, плакала, умывалась холодной водой, пытаясь привести себя в чувство. Но это ей плохо удавалось. Раздался звонок мобильного телефона. Звонила ее дочка Мирослава. Она хотела узнать, в котором часу мама вылетает во Владивосток. Как ее здоровье, не нуждается ли мамочка в деньгах.

Дочка сразу обратила внимание, что у матери взволнованный голос.

– Мамочка, у тебя все в порядке? Ты что, плачешь? Что случилось?

– Доченька моя, даже не знаю, как тебе описать последние события. Я ведь завтра утром должна была улетать домой. А тут такое случилось!...

Мирослава была испугана, она пыталась понять, что могло случиться с мамой.

– Так, мамочка! Не волнуйся. Садись на диван и рассказывай мне по порядку, что у тебя там произошло. Ты сказала, что должна была? А теперь не летишь домой? Мамочка, что, что случилось? Ничего не скрывай! Разве я могу быть спокойной, когда ты там одна. Я слушаю тебя!

– Мирочка, доченька моя, ты помнишь, я тебе рассказы-

вала о своей первой любви. У меня была любовь еще в школе. Гриша Кораблев.

– Помню, конечно помню. Но он погиб, как ты говорила.

– Да, все считали, что он погиб. И я тоже. На моих глазах умерла его мама, когда ей доставили из части урну с прахом сына. Я сама участвовала в похоронах грищиной матери. Ее похоронили и в могилу к ней положили урну с прахом Гриши.

– Так что с Гришей? Если он погиб пятьдесят лет назад, что могло произойти теперь? Он что, восстал из мертвых?

Ольга Семеновна плакала, прижав к уху мобильный телефон. Она снова вспомнила те трудные времена и как будто заново переживала то огромное горе, которое свалилось на нее с гибелью Гриши и его мамы. Похороны, поминки, слезы... Нежелание жить...

– Да в том и дело, что сегодня последний раз зашла на кладбище попрощаться с дорогими могилками, потом пошла в парк, хотела посидеть на нашей с Гришей любимой скамеечке. Забытая скамейка!... Полвека прошло, а она все жива! Знаешь дочка, когда я подошла к скамейке, там сидел мужчина. Он был моего возраста, лицо его было после сильного ожога все в ужасных шрамах. И он сухой веточкой раздвигал желтые листья, освобождая на еще зеленой травке пространство, и проявилось имя «Оля»... Я была в шоке. Именно так выкладывал везде мое имя только Гриша.

Я подошла, попросила разрешения присесть рядом. Завя-

залась беседа. Оказалось, мужчина лишился памяти много лет назад. После аварии самолета. Представляешь, он рассказал мне историю, которую ему изложили в госпитале. Он был в том же самолете, в котором был и мой Гриша. Но еще более я удивилась, что он живет теперь в доме Гриши. Ну, детка моя, как мог чужой человек прийти в дом Гриши?! Его имя теперь Анатолий Васильевич Петров. Я побывала в его доме. Это дом Гриши и его мамы.

– Мамочка, ты думаешь, Гриша остался жив?

– Да, дочка! Это невероятно, но может оказаться именно так. Гриша остался жив, но не помнит ничего из прошлого. Как он рассказал мне сегодня, он падал без парашюта. Ужасная история. Травма головы, которая лишила его памяти. Там погибло много десантников. Гриша был там же. Ему посчастливилось остаться в живых. Но документы получил на фамилию Иванова Анатолия. Лицо в шрамах, этот Иванов – детдомовский парень. Его никто не искал и вот... Я почти уверена, что это Гриша. Поэтому отменила билет и решила остаться в Калуге. Буду здесь до тех пор, пока не выясню истину.

Удивлению Мирославы не было границ.

– Мамочка, ты до сих пор любишь Григория?

– Конечно, дочка! Я замуж за твоего отца вышла только потому, что он внешне напоминал Гришу. Но никогда я не любила ни одного мужчины, кроме Гриши. Да, мы даже не успели стать мужем и женой. Я осталась невестой Гриши.

Ждала его, но дождалась... — мать заплакала снова. — Дождалась урну с его прахом. И все эти годы приезжала к нему на могилку, а он жил в своем доме, не зная, кто он на самом деле.

— Какой ужас! Мама, обещай мне, что если тебе понадобится моя помощь, ты обратишься ко мне. Я буду просить Эдика. Он во многом может нам помочь и в поисках документов, и в лечении Григория. Если, конечно, этот мужчина — Григорий.

— Конечно, родная моя! Я буду держать тебя в курсе. Спасибо за поддержку! Спасибо, доченька, добрая у тебя душа!

— Вся в тебя, мама! Ну, давай не будем плакать! Отдыхай, у тебя уже ночь, а у нас в Лондоне — поздний вечер.

Ольга попрощалась с дочкой, пошла в кухню, заварила свежего чаю, выпила в одиночестве чашечку, долго еще качала головой, вспоминая насыщенный событиями сегодняшний день... Уснула она только в пять часов утра. Утром проснулась, подушка была мокрой от слез. Ей снилось, что она снова потеряла Гришу. И плакала всю ночь во сне... Ночью Ольга продумала все свои действия по восстановлению памяти Григория. Она уже не сомневалась, что это на самом деле ее Гришенька, с которым она рассталась во дворе военкомата пятьдесят лет назад. Она ни за что не сдастся! Она будет бороться за своего любимого столько лет, сколько потребуется для его выздоровления, и пока бьется ее собственное сердце...

Глава 6. Любовь не умирает...

Началось общение двух одиноких людей. Анатолий никак не мог прийти в себя от таких резких перемен в его жизни. Он вообще не помнил, как выписался из госпиталя, чтобы какая-то женщина была в его жизни, гладила его, говорила с ним так, как сейчас Ольга. Он чувствовал ее интерес к нему. У нее были сотни вопросов. И когда они сидели снова на любимой скамейке в парке, и когда гуляли по набережной, Ольга задавала все новые вопросы. Она выстраивала логическую цепочку, чтобы найти возможность для восстановления памяти Анатолия. Они даже не задумывались над тем, как воспринимают их люди. Для молодежи они были глубокими стариками. Правда, современная молодежь с уважением относилась к чувствам пожилых людей, которые гуляли под руку или держались за руки. В парке к ним привыкли.

День за днем Ольга все больше узнавала, что произошло, какие события помнит Анатолий. Все, что было, начиная с госпиталя, он помнил прекрасно. Часто они сидели у Анатолия дома, и Ольга внимательно слушала его рассказы. Ей было важна каждая деталь. Ольга готовилась к тому, что надо до конца прояснить ситуацию. А самое главное, нужно искать хороших специалистов для того, чтобы вернуть Анатолию память.

Анатолий рассказывал о том, что помнил, и это все было

после катастрофы. Правда, ничего интересного в его жизни не происходило. Говорил он спокойно, вполголоса... а Ольга сидела рядом, прижавшись к его плечу и внимательно слушала.

– Оля, я совершенно не знаю, как я жил до Армии, какая у меня была семья. Была ли у меня девушка. В госпитале мне сказали, что у меня никого нет, что я воспитывался в детдоме. Так написано в моем личном деле.

У Ольги было сильнейшее желание крикнуть ему, что если он не помнит, то она-то точно все помнит и знает... Но такая настойчивость ее может испугать Анатолия. Она попросила его заварить свежего чая. Анатолий встал и пошел на кухню. Ольга окликнула:

– Гриша!

Он резко оглянулся, глаза его расширились. Он замер на мгновение. И спросил, заикаясь:

– Гриша – это я? Почему? Почему ты так думаешь? – голос его дрожал.

– Потому что я – твоя невеста Оля. Почему ты именно это имя выводил на зеленой траве?

– Я не знаю, почему. Это имя очень близко моему сердцу.

– Теперь подумай, почему именно это имя. Я уверена, что ты не Анатолий, ты – мой Гриша! Понимаешь, сколько лет прошло, а я помню жесты, слова, поворот головы моего любимого. Ты все делаешь точно также. Может ли это быть случайностью? Не думаю! Даже то, что ты в парке сухой веточ-

кой освобождал зеленую травку от листвы таким образом, чтобы появились буквы – Оля. Почему? Потому что ты начал это делать с 10-летнего возраста. Где бы мы с тобой ни были, ты всегда рисовал или выкладывал цветами и листьями мое имя. Это было всегда.

А теперь представь мое состояние, когда я увидела тебя, а ты как раз этим и занимался, что отодвигал листву прутиком, создавая на зеленой травке мое имя. Я думаю, мы не должны терять надежду на восстановление истины и будем искать возможности восстановить твою память. Давай по порядку. Я буду спрашивать, а ты постарайся рассказывать подробно. Озвучивай все, что приходит в голову. Без всякого стеснения. Мы обсуждаем реальность ситуации и продвигаемся к следующему вопросу. Хорошо?

– Я согласен. Спрашивай!

– Можно я тебя буду называть тебя Гришей? Тебе это позволит быстрее вспомнить все события.

– Мне надо привыкнуть к этому имени. Оленька, ты думаешь, действительно, так будет лучше?

– Да, я уверена. – Ольга подошла к нему, обняла за плечи и погладила по седой шевелюре.

Анатолий впервые за это время улыбнулся:

– Хорошо, называй меня Гришей.

– Гриша, пойдем заварим чайку, и потом начнем работать с восстановлением памяти.

И они вместе пошли в кухню. После чаепития приступили

к серьезной работе.

– Гриша, вспомни, пожалуйста, как ты попал в госпиталь? Кто тебя туда притащил? Где тебя нашли?

– Не знаю, в каком-то маленьком селе был медпункт. Меня туда привез парень на тракторе. Он меня нашел, когда я тащился с парашютом по полю, но сам я это не помню. А вот парня помню.

– Но парень, похоже, нам сейчас без надобности. Он тебя привез в село, в медпункт. А потом тебя перевезли в военный госпиталь? Правильно?

– Да.

– Теперь давай будем вспоминать, кто там был еще из вашего самолета. Те, кто выжили, они могут и сейчас быть живыми. Они могут помнить какие-то факты о Григории Кораблеве и об Анатолии Петрове. Вспомни, Гришенька, как тебя называли в госпитале. Каким именем?

– Насколько я помню, имени моего никто не знал. Звали просто «спасенным солдатом».

– А когда определили, что ты – Анатолий Петров?

– Я в госпитале находился довольно долго. Перелом левой руки. Лицо было обезображено ожогами. Каким я был до этого, не помню. Оленька, я правда не могу вспомнить ничего... Мне просто вручили мои документы при выписке из госпиталя. Меня комиссовали из Армии, и я мог ехать, куда захочу.

Ольга делала записи в блокнот. Она не имеет права забыть

ни одну мелкую деталь его рассказов.

– Итак, Гриша, ты помнишь, какой был госпиталь? Найдем его, он ведь находится в Рязани, как я понимаю.

– Да, в Рязани.

– Там в архивах поднимем фамилии солдат, поступивших после той катастрофы на учениях. Будем искать их. Сейчас при помощи интернета это сделать вообще легко. А еще проще найти их через военкомат. Гриша, это я начну делать уже завтра. Созвонюсь с госпиталем, узнаю, где хранятся их архивы.. По линии военкоматов найдем их. Ребята могли видеть и помнить факты той катастрофы.

– Возможно, Оля. Я плохо понимаю, как искать. Я с компьютером не знаком.

– Гришенька, зато я знакома с компьютером! А сейчас проводи меня домой. Ты сегодня уже устал от моих вопросов. Согласен завтра продолжить работу?

– Конечно, согласен! Я в этом заинтересован больше всех!

Постепенно между Ольгой и Анатолием, которого она теперь называла только Гришей, установились доверительные отношения. Они часто сидели рядышком, обнявшись. Ольге было приятно находиться рядом с человеком, который, как она уверена, был ее женихом, за которого она не успела выйти замуж... И чувства к нему остались такими же сильными, какими они были полвека назад.

Глава 7. Поиски истины продолжаются

Ольга проснулась от тихого стука в окно. Она испуганно вскочила, не зная, какой сюрприз может ее ожидать. В последний месяц ее жизнь кардинально изменилась. Теперь она жила больше интересами Гриши, чем своими. Она быстро сбросила одеяло и подбежала к окну. Удивительной красоты снегирь стучал клювом в окно. Он смотрел на Ольгу, ей даже показалось, что птица осмысленно смотрела на нее, словно хотела о чем-то сообщить женщине.

Какую весточку принес ей снегирь? Она раньше не видела эту краснобокую птичку в своем дворе... Но в любом случае, Ольга тут же оделась и вынесла на улицу пшеничной крупы, которую насыпала в кормушку. На нижней ветке березы она сама смастерила кормушку для птиц. Снегирь тут же смело приблизился и начал клевать крупу. Он так же смотрел на нее. У нее возникло ощущение, что это только внешне птица, а на самом деле это – ангел, который поддерживает в ней желание помочь своему Гришеньке и сделать все возможное, чтобы они были счастливы.

Она вернулась в дом, и настроение было прекрасным. Такая маленькая птичка, а сколько позитива она принесла ей этим холодным утром! Ольга даже не стала завтракать дома,

напекла блинчиков, завернула хорошенько, чтобы не осты-
ли, и побежала к Грише. Они теперь не расставались и все
дни проводили вместе. Встречались утром, и только позд-
ним вечером он провожал ее домой.

У Ольги появилось ощущение, что они стоят у истоков
создания их семьи.

Его дом преобразился. Первое, что сделала Ольга в доме
Григория – обновила портреты дорогих людей. Они купи-
ли новые рамки, красиво разместили фотографии. Купили
обои, стены заиграли новыми оттенками и рисунками. На ок-
нах появились занавески. Ольга из дома принесла свою лю-
бимую скатерть и ковер, который несколько лет стоял в углу,
свернутый в рулон.

Когда умерла ее мама, Ольга закрыла дом и вернулась
во Владивосток. И приехала только сейчас. Зачем ей тут те-
перь ковры. А вот в доме Гриши – другое дело... Это начало
их семейной жизни. Постепенно домик повеселел. Настрое-
ние Ольги и Григория тоже улучшалось. Самое интересное
для Ольги было наблюдать за собой как бы снаружи. Она ви-
дела семидесятилетнюю пенсионерку, у которой светились
глаза, она делала всякую работу быстро и энергично. Ольга
с удовольствием хлопотала у плиты, готовила то, что Гриша
любил в их юные годы, а он хвалил ее и радовался каждому
дню. Григорий благодарил Бога за подарок, который он даже
не ожидал – Ольгу. Она появилась в его грустной и одинокой
жизни как ангел-хранитель.

Ольга была уверена в том, что вместе они победят его болезнь.

— Гриша, вспомни, что тебе говорили в госпитале. О том, кто ты, как жил, какие друзья были.

— Помню только то, что я — воспитанник детского дома. И никаких родственников нигде нет. Эти данные были в моем воинском личном деле.

— А вот как ты приехал в Калугу и нашел этот дом? Тебе кто-то говорил этот адрес? Кто?

Григорий когда волновался, он всегда сжимал голову руками, эта привычка появилась после госпиталя. Он этим как будто просил мозг мобилизоваться, чтобы вспомнить нужный момент. И сейчас он сел на диван, ладонями сжимая виски, с трудом справляясь с приступом головной боли... Потом поднял глаза на Ольгу и неуверенно сказал:

— Мне никто не говорил.

— Гриша, а куда ты пошел, когда вышел за двери госпиталя?

— Оленька, я как сейчас помню, что меня не просто выписали из госпиталя. Меня же хотели определить в дом для военных инвалидов. Я там мог бы жить всю жизнь под наблюдением врача, за мной бы там ухаживали, кормили, поили, показывали кино... Мне об этом говорил главный врач госпиталя. Но я отказался. Сказал, что мне есть куда ехать. Меня выписали, я вышел за ворота госпиталя, и полдня сидел на какой-то остановке и думал, что мне делать дальше.

Григорий продолжал говорить медленно, подбирая каждое слово. Ему даже простая речь давалась нелегко. Он боялся показаться неадекватным. Ольга гладила его руки, она их держала в своих и подбадривала его взглядом.

— Потом я услышал, что кто-то спрашивал водителя, идет ли этот трамвай до вокзала. Водитель ответил утвердительно. И я подумал, что именно на вокзал мне нужно ехать. На вокзале я подошел к расписанию движения поездов. Это место мне показалось уже знакомым.

— Что ты вспомнил, что именно показалось тебе знакомым, ты видел это расписание поездов когда-то раньше?

— Мне казалось, я его изучал, готовился встречать кого-то.

— Да, Гришенька, ты все правильно говоришь! Я после летней сессии в июне собиралась к тебе приехать на несколько дней. Ты мог изучать расписание, потому что обещал встретить меня. У нас в Рязани жили родственники, и ты обещал встретить меня и проводить к родным.

— Правда, Оленька? Значит, что-то тогда оставалось в памяти.

— Кстати, у меня ведь все твои письма до сих пор целы. Я бережно сохранила все до одного. И сейчас они во Владивостоке. Я же говорила тебе, что по окончании института получила направление на работу во Владивосток.

Ольга задумалась на минутку, а потом воскликнула:

— Гриша! Я позвоню соседке, которой я оставляла ключи. Попрошу ее взять из моей квартиры одно из твоих писем,

сфотографировать и отправить мне сюда по интернету. И мы сравним почерк твой и тот, которым писал мой Гриша. Если почерк будет одинаков, значит, ты еще раз убедишься в том, что ты и есть Григорий Дмитриевич Кораблев.

Теперь Григорий сидел в оцепении, обдумывая какую-то мысль, которая казалась ему очень важной.

– Гриша, о чем ты думаешь?

– Ты говоришь, что Кораблев Григорий имел отчество Дмитриевич?

– Конечно.

А ведь он действительно мог быть моим отцом... – задумчиво сказал Григорий.

– Кто мог быть твоим отцом?

– Оленька, ты знаешь, я сейчас анализирую свое возвращение домой. Я не знаю, что меня заставило взять билет до Калуги. Я помню, что долго рассматривал расписание там, на вокзале. Название города «Калуга» мне почему-то сразу понравилось, красивое название. Я решил, что в первую очередь я поеду в Калугу. Прошлого я не помнил, но неплохо ориентировался в реальном сегодняшнем мире. У меня были документы на инвалидность. Мне выдали приличную сумму денег, поэтому я не рисковал ничем. Мог поехать хоть куда и прожить какое-то время. Я запомнил все, что мне объяснили. Я должен встать на учет там, где буду жить, чтобы мог получать пособие по инвалидности.

Ольга внимательно слушала и записывала важные момен-

ты в блокнот. Да, тогда он лежал около двух лет в военном госпитале, но память не восстановилась. А любовь способна творить чудеса. Она верила, что поднимет глубинные пласты памяти и Гриша вспомнит все: детские годы, их планы... Надежда умирает последней...

Дома, возвращаясь от Гриши, Ольга до глубокой ночи искала в интернете случаи потери памяти и чудесное ее восстановление. Медицинские справочники и факты, статистику, форумы – все она штудировала с одинаковым интересом.

– В Калуге я осмотрелся и пошел к трамвайной остановке. Как будто я тут сотни раз ходил. Одним словом, Оленька, я пришел к этому дому, сам не знаю, что меня привело именно сюда.

Причем, я шел очень уверенно, как будто каждый день тут ходил. Вошел во двор. И только тут подумал, что я скажу хозяевам. Что мне тут нужно? Я постучал в дверь и мне ответил мужской голос, сказал:

– Входите!

Удивленная Ольга спросила:

– Там же никого не должно быть. Мама Гриши – Лидия Николаевна умерла на моих руках, когда получила урну с прахом Гриши. У нее отказало сердце.

– Оленька, я вошел. Меня встретил мужчина, который сидел в инвалидном кресле. Он был без ног. Совершенно еще не старый человек. С густой сединой в волосах. Его торс был крупный. Очевидно, если бы он стоял на своих ногах, то он

был бы одного роста со мной. Его живые красивые черные глаза мне уже кого-то тогда напомнили. Но и сейчас я не могу понять, кого именно. Я тогда подумал, что молодой мужчина, а уже седой. На вид ему было не более сорока пяти лет. Он представился мне Дмитрием Ивановичем. Дядя Дима.

Глава 8. Бездействие равносильно предательству

Он пригласил меня, вскипятил чаю, пригласил на обед. Я удивился тому, как ловко этот человек справляется в кухне. Я спросил у него, чей это дом, где хозяева. Он сказал, что приехал к жене, но не застал ее в живых. Она умерла в тот момент, когда узнала о гибели их сына. Мужчине трудно было рассказывать, слишком тяжелые воспоминания. Слезы то и дело выступали у него на глазах...

О своей жизни он мне рассказал более подробно гораздо позже. А тогда, в первый день он сказал, что приехал к жене, а нашел закрытый дом. Соседи рассказали об ее смерти. То, что он мне рассказал, поразило меня до глубины души.

— Гришенька, расскажи!

— Оля, я не забыл ни одного слова из его рассказа. Но я уже говорил тебе, что о себе он рассказал намного позже и каждый раз говорил несколько фраз. А вот меня он расспрашивал каждый день обо всем. И, невзирая на то, что я ничего не помнил, он задавал и задавал мне вопросы. Часто одни и те же. Все больше о хозяйке дома Лидии, ее отце, ее работе, о многих вещах, которые я вообще не мог бы описать. Я ничего не знал. Или не помнил.

Он сказал мне в первый день, когда мы встретились в этом

доме, что нам с ним хорошо было бы жить вместе. Легче справляться со всеми делами. Он просил меня остаться с ним. Оленька, ты не думай, что я неадекватен. Я только свое прошлое не помню. А что было после того, как я пришел в себя в госпитале, я все очень хорошо помню.

– Гришенька, я так не думаю. Мы с тобой вместе будем бороться за твоё выздоровление. И ты вспомнишь, что я была твоей невестой. Что мы очень любили друг друга. А я люблю тебя сейчас точно так же, как и пятьдесят лет назад, когда ты уходил на службу в Армию.

– Оленька, а что будет, если я окажусь действительно Григорием Кораблевым, твоим женихом? И ты сможешь любить меня вот такого? – он показал на своё лицо. – С такими ужасными шрамами? – В его взгляде был вопрос, который он только сейчас решился произнести вслух.

– Конечно! Буду любить в любом виде. Я никого больше не любила. Никакие шрамы не могут повлиять на отношение к любимому человеку.

Ольга погладила его по лицу. Она и сейчас была ему по плечо, маленькая и хрупкая... Григорий обнял ее, прижал к себе и ему хотелось немедленно вспомнить все, о чем они говорили, мечтали. Вообще, вспомнить все, восстановить память.

– Оля, ты можешь ответить мне на один вопрос? – Григорий волновался, не решаясь произнести вопрос. Ольга напомнила ему:

– Гриша, мы же с тобой договорились задавать любые вопросы друг другу. Это необходимо для того, чтобы ты мог вспомнить все, что было в твоей жизни до госпиталя.

– Оля, расскажи, пожалуйста, какие были у тебя отношения с Гришей? Между вами была близость? – ему трудно было выговорить эти слова.

– Нет! Ты хотел, чтобы все было в свое время. Свадьба, первая брачная ночь... Но предстояла служба в Армии. Я никогда не была твоей женой, только невестой. Вот так все было. Такая любовь – редкость во все века. Я никогда не забывала Гришу. То есть тебя, мой любимый!

Он покачал головой:

– Да, нелегко тебе было получить весть о моей гибели...

Ольга заплакала, но постаралась с собой справиться.

– Гриша, я просто уверена в том, что тебе ошибочно выдали документы другого человека. Петрова Анатолия. На самом деле ты и есть мой жених – мой Гриша!

– Ты мне можешь рассказать о Грише, о вашем детстве, дружбе, любви... Все, что тогда происходило... Об его маме, какой она была.

– Гриша, я тебе расскажу об этом завтра. Все расскажу... А сегодня расскажи ты мне о том человеке, которого ты встретил в доме, где ты родился и вырос, где жил вместе с мамой и бабушкой. Ты пришел в дом, а в доме уже жил мужчина, который потерял ноги на войне. Что он тебе рассказывал?

Григорий собирался с мыслями. И Ольга не торопила его.

– Скажи, Оленька, были у Гриши какие-то особые приметы на пальцах ног?

– Да, были.

– Какие?

– У Гриши между пальчиками на обеих ногах была кожа, как будто перепонка. Она была между вторым и третьим пальцем. В садике дети спрашивали Гришу, почему у него так пальчики срослись между собой. Он стеснялся потом снимать носочки.

У Григория был потрясенный вид. Он смотрел на Ольгу и не мог сказать ни слова. Затем без слов снял туфли, потом носки и показал наполовину сросшиеся пальцы на обеих ногах.

– Ну вот, ты видишь? Гриша! Это ты, мой родной! Ничего я не придумала, и мне не показалось! Это ты, ты! – Ольга бросилась к Григорию, прижалась к его груди. – Гришенька, а мне сердце еще тогда, на нашей скамейке, подсказало, что я встретила тебя. Потому и напросилась проводить тебя и зашла в гости! – Ольга гладила его по голове, по лицу, целовала его... Им предстояло еще испытать счастье стать супругами, а пока они долго сидели обнявшись, не в силах разъединить руки. У Григория на глаза то и дело наворачивались слезы. Он не успевал вытирать их...

Потом он, наконец, успокоился и продолжил свой рассказ.

– Да, я тебе говорил, что дядя Дима задавал мне посто-

янно вопросы, на которые я ответить не мог. Но я помню, что когда он увидел специфически сросшиеся пальцы на моих ногах, он был в шоке. Это было в бане. Он как увидел, вскрикнул так, что я испугался. Я даже подумал, что он ошпарился случайно кипятком:

– Гришенька, сыночек! Да ты жив! Там произошла ужасная ошибка! Ты жив, родной мой! Гриша! Господи, какой подарок судьбы! У меня есть сын и ты жив, жив!!

Он обнимал меня, гладил. И плакал от радости. Он даже не стеснялся своих слез. А потом сказал, показывая на свои культы ног:

– Если бы были целы мои ноги, ты бы увидел точно так же сросшиеся второй и третий пальцы на обеих ногах! Больше ни у кого я таких не видел. Ты – мой сын!

Потом, Оленька он сравнивал наши руки, уши, глаза... Даже на затылке у нас волосы завивались одинаково, такие забавные вихры, и те одинаковые...

Григорий даже сейчас еще волновался, рассказывая Ольге об отце.

– Так мы, Оленька, и прожили всю жизнь вместе. Он умер почти двадцать лет назад. В таком же возрасте, как я сейчас. Я чувствовал его любовь каждую минуту. Он очень заботился обо мне. И я о нем – тоже... Однако, Оленька, я все равно ничего не помнил о себе. Будь я Григорием или Анатолием Петровым – все равно у меня такой бури чувств, как у него, в душе не было. Я смотрел на себя как будто со стороны. Он

все помнил, он сознательно называл меня своим сыном а я... так и не смог назвать его отцом.

Вот, что мне рассказал о себе мой отец:

— Эх, сынок, сколько же в жизни счастливых моментов я упустил. Сам, по своей вине... Детство мое, как мне казалось, было вполне счастливым. Маму свою, по крайней мере, я помнил. Жили мы с ней вдвоем. О своем отце ничего не знаю. Видно, тогда я был еще мал, чтобы мама могла говорить со мной о серьезных вещах. Мы жили с мамой в деревне, на берегу реки. Потом с мамой случилась беда. Она работала на элеваторе, где принимали зерно. Что-то там произошло, как я теперь понимаю, это было замыкание, ее убило током. Маму похоронили, а меня отправили в детский дом. Зиму я там пережил. Конечно, мама всегда много работала, а я был дома всегда один. Мама на меня надеялась. И я рос серьезным ребенком. Еще и ужин старался приготовить к маминому приходу с работы. Но все это при маме, когда она была жива.

В детском доме были другие порядки, более жесткие. Старшие дети любили приказывать малышам, а те вынуждены подчиняться.

По весне я сбежал из детского дома, забрался в поезд, который, как я слышал, шел в Ростов, кто-то говорил на вокзале, что Ростов — это город папа, а Одесса — мама. И я решил, что поеду именно в Ростов. Спрятался под нижним сидением, но долго там находиться было невыносимо. Нехватало

свежего воздуха. Еды и денег у меня не было. Ночью я попытался выбраться оттуда и найти хоть кусочек хлеба. На століке в купе в темноте я нащупал пирожок и взял его. Меня кто-то поймал за руку и включил свет. Пожилая женщина, которая меня схватила за руку, тут же заохала и стала предлагать мне покушать не только пирожок, но и кусочек курочки и чаю налила из термоса. Сказала, чтобы я не прятался внизу, а выпался на полке. Закрыла меня своим одеялом.

Наверное, сон мой был таким крепким, я устал, намучился в темном ящике. Проснулся от того, что меня кто-то снимал с полки. Я пытался сопротивляться, но что мог сделать семилетний мальчик, если его держал на руках крепкий молодой милиционер. А женщина просила милиционера позаботиться обо мне. В дальней дороге ребенок погибнет. Его некому кормить, а взять себе она его не может по причине старости и плохого здоровья. Этот же молодой парень из милиции уговаривал меня не брыкаться. Он сам вырос в детдоме, и ничего с ним не случилось. Он обещал отправить меня в тот детский дом, где он рос сам. Да, он так и сделал. Это было в Калуге. Вот там я и вырос. Милиционер иногда заезжал навестить меня. Мы даже подружились.

Окончена средняя школа. Я мечтаю поступить в медучилище. Поступил. Мне даже разрешили жить в детском доме, я учился и одновременно немного подрабатывал здесь же воспитателем.

Пришла пора влюбиться, сынок! Мы с твоей мамой учи-

лись вместе в медучилище. Какая хорошая была твоя мама! Умная, серьезная, красавица! И она меня полюбила. После училища мы с ней мечтали пожениться. Но шла война. Я не мог отсиживаться дома. По окончании учебы я сразу попросился на фронт. Шел уже 1944 год.

Ольга внимательно слушала и понимала, что в доме Лидии Николаевны после ее смерти жил Дмитрий, которого она ждала всю жизнь и не верила, что он мог предать их любовь и не появиться после войны... И это ведь был отец Гриши!

Григорий вспоминал рассказ отца:

– Ушел я на фронт. Нас везли на запад. Армия наша вела уже не оборонительные операции, а освободительные. В течение зимы 1944 года советские войска провели операции на флангах немецкого фронта: под Ленинградом, Новгородом и на Украине. В январе 1944 года была снята блокада Ленинграда, которая продолжалась 900 дней, начиная с 8 сентября 1941 года. Ты это можешь помнить из уроков истории. А мы пережили войну, теряя братьев, отцов, теряя здоровье и жизнь. Враг был отброшен на линию Нарва-Псков. Крупные наступательные операции прошли на Украине. На южном участке фронта наша Армия в середине апреля 1944 года вышла к предгорьям Карпат и к границам Румынии. Были освобождены города Николаев и Одесса. 9 мая был освобожден город русской славы – Севастополь.

Вот в боях за освобождение Севастополя пришлось участвовать и нам, вновь прибывшим. Много полегло наших ре-

бят. Бои были жестокие. Немцы не жалели ни патронов, ни снарядов. Простреливался каждый метр. Поскольку я был медиком, то в боях отвечал за спасение раненых бойцов. Когда я вытаскивал из-под огня очередного раненого, нас обоих накрыл шквальный огонь, неподалеку разорвался снаряд. И я больше ничего не помню. Очнулся в госпитале. Оказывается, я месяц был между жизнью и смертью. Я был ранен в ноги. Как ни бились врачи, ноги спасти не удалось. Так что я очнулся, но не мог понять, что случилось, сколько я тут нахожусь. А когда понял, что ходить теперь я не смогу самостоятельно, ноги ампутировали выше колена, мне не хотелось жить. Я даже подумывал о самоубийстве.

Как только я немного поправился, меня из Севастополя отправили в тыл. В Смоленске я долечивал свои раны. Мне выдали удостоверение инвалида первой группы, а дальше выбор был за мной, где жить. В госпитале я был не один пострадавший, лишившийся конечностей. Мы друг друга поддерживали как могли. Были и такие, у которых погибла вся семья. В бомбежках, в концлагерях... А я надеялся, что моя Лидочка жива и здорова. Я собирался с духом, чтобы написать ей о своей инвалидности. Нужен ли я ей такой? Все-таки письмо своей любимой я написал. В этот день пришло письмо от жены солдату, раненому в том же бою, где я лишился ног. Его ранение было не хуже и не лучше моего. Осколком снаряда отсекло левую ногу и левую руку. Рука ампутирована выше локтя, а нога – чуть выше колена. Женился он пе-

ред войной. С самого начала войны прошел без царапинки до мая 1944 года, три года его Господь охранял. Но вот случилась беда. Письма от жены Иван ждал со страхом и болью. Нрав у его жены был такой, что не знаешь, чего от нее ожидать каждую минуту.

Иван не напрасно переживал. Жена написала ему короткое письмо, где был полный отказ от него, как от мужа. Детей они не успели нарожать. Она не хотела ухаживать за инвалидом. Жизнь и так не казалась ей сладкой после войны. Парень хотел выброситься из окна палаты, которая находилась на пятом этаже. Хорошо, что успели удержать. У Ивана не было родных, его мать погибла в Белоруссии. Он остался один на всем белом свете.

Ты, знаешь, Анатолий, хорошо, что после войны такие солдаты могли остаться в доме инвалидов. Там были и такие, которые нуждались в постоянном уходе.

Всю ночь я крутился на кровати, размышляя над своим будущим. В конце концов, достал письмо к Лидии, разорвал его на мелкие части. Я боялся получить такой же ответ. Лучше я буду жить в доме инвалидов, чем прочесть оскорбительный ответ. Этой ночью я попрощался со своим прошлым и решил жить только настоящим. На будущее планы не строил. Надолго впал в депрессию. Но главный врач дома инвалидов не позволил мне горевать. Работать было некому, и он оформил меня на половину ставки медбрата. В инвалидном кресле я катался по всем палатам и работал. Это как-то от-

влекало от моего одиночества. Я помогал тем, кто находился в еще более худшем положении.

Ты знаешь, сынок, я уже не строил никаких планов на личную жизнь. Я постоянно вспоминал Лидию, но боялся даже написать ей, чтобы она не согласилась быть со мной из жалости. Для меня это было страшнее всего. Не осуждай меня, сынок, за молчание. У меня не было достаточно большого жизненного опыта. И то, что я увидел, как солдат, лишившийся руки и ноги, получил от жены письмо, после которого он уже не хотел жить, мне не добавило оптимизма. Но оказалось, не все так думают. Ко мне вдруг стала проявлять повышенный интерес повар нашего дома инвалидов. Всегда она использовала каждый момент, чтобы вовлечь меня в беседу.

Она рассказала мне, что ее муж пришел с фронта весь израненный, с кучей осколков в груди. Врачи сказали, что он может жить до ста лет, а может умереть в любой момент. Непосредственно рядом с сердцем находился осколок, который опасно было трогать. Вот он жил с этими осколками несколько лет. Был счастлив, что вернулся к семье. Но умер моментально. Осколок сдвинулся на миллиметр, и жизнь человека прервалась на полуслове... Женщина плакала, когда рассказывала мне о неожиданной смерти мужа. И со слезами говорила, что даже если бы он пришел домой без ног, она все равно радовалась бы его возвращению. Поскольку ценность человеческих отношений не в деньгах, она в единении душ. Вот что главное.

Через месяца два эта женщина мне достаточно четко намекнула на то, что была бы счастлива стать моей женой. Но я, сынок, не мог ни с кем связать свою жизнь. Я любил только одну женщину – твою маму, Лидию Николаевну.

Долго я размышлял бессонными ночами. И начал подумывать о том, чтобы как-то поехать в Калугу и хотя бы проехать мимо дома в такси. Хотя что-то узнать о Лидии. Узнать, как она живет, вышла ли замуж, счастлива ли она... Да... Действительно, я собрался вскоре поехать из Смоленска в Калугу. Я все помнил, где жила моя Лидочка, как она выглядела. Я свято берег вот эту фотографию, где мы с ней вдвоем.

Однажды я читал военный журнал «Звезда». Там была опубликована большая статья о том, что и в мирное время могут быть чрезвычайные ситуации, где гибнут военнослужащие. Случай беспрецедентный. Где случайно на полномасштабных учениях был подбит самолет и погибли солдаты срочной службы, молодые десантники. В списке посмертно награжденных я вдруг увидел фамилию Кораблев Григорий Дмитриевич. В моей голове словно бомба взорвалась... Ведь этот парень мог быть моим сыном. Совпадение фамилии могло быть. Но фамилия и отчество... Случайности быть не могло.

Я понял, что и так оказался в глазах Лидии либо погибшим, либо предателем. Я остался в живых, пусть без ног, но я даже не попытался написать своей любимой женщине.

А оказывается, она родила сына, он носит отчество по моему имени. А я... Не помогал ей воспитывать сына. А ведь я уходил на фронт, не имея понятия о том, что Лидия осталась беременной. Потом я получил ранение, но не решился написать ей о своем физическом состоянии. И я решил немедленно поехать к Лидии, чтобы поддержать ее, помочь. Я понимал, какое горе свалилось на Лидочку.

Я немедленно отправился в путь. Правда, путь был не такой уж и далекий. В Калугу я прибыл рано утром, доехал до улицы Липовой на такси. Домик стоял такой же, как и более двадцати лет назад. Я пересел в коляску из такси, подъехал к калитке и увидел, что двери заколочены, окна закрыты наглухо. А где же Лидочка?

Через забор заглянула соседка, поинтересовалась, кто я и что тут делаю. Я повернулся к ней вместе с коляской, она узнала меня. Всплеснула руками, велико было ее удивление... Пригласила к себе в дом, накормила такими вкусными щами, которых я не пробовал много лет. И только потом рассказала, что тут произошло без меня. Лидочка родила сыночка, она ждала меня и никогда не думала о замужестве. Она ждала, она верила, что я приду. А я был жив... Но не приехал. Сынок ее – Гришенька вырос красивым рослым парнем, похожим на меня, как две капли воды. Ушел в Армию. Невеста ждала его, и мать ждала... Но не дано было им дожждаться Гришу. Он погиб. Офицер из его части привез урну с прахом и медаль, которой наградили Гришу по-

смертно.

Когда Лидия увидела вместо живого сына урну с прахом, она умерла в тот же момент. Вот так все и рухнуло. Поехали мы с соседкой на кладбище. Посмотрел я могилку, где похоронены моя жена и мой сын. Ушли из жизни преждевременно.

– Сынок, Гришенька, прости меня! Прости, что ты рос без отца, а я в это время все годы жил в доме инвалидов войны. Прости, сынок!

Я сказал отцу, что все равно не могу вспомнить ни маму, ничего из детства, так что и обижаться не на кого и не за что.

Примерно через год, сынок, появился ты. Приехал в дом своей матери. Даже учитывая потерю памяти, интуиция привела тебя в Калугу и в родной дом. Ты, сынок, обязательно вспомнишь все. Память восстановится. Хорошо, что ты жив остался.

Вот так, Оленька, мы с отцом жили до тех пор, пока он не умер. Потом я оказался в полном одиночестве. Годы шли. Спасибо, мне от военкомата помогли сделать ремонт в доме, крышу полностью заменили. Сделали заново канализацию. Но одиночество душу не греет. Я так и был одинок до момента появления тебя в парке у нашей любимой скамейки.

Ольга слушала и плакала. Конечно, никакой ошибки быть не может! Она приехала попрощаться с прошлым, а вернулась в него и будет теперь начинать новую жизнь со своим любимым в этом доме.

– Гришенька, родной мой! Ты видишь, действительно произошла ужасная ошибка. Из-за нее ушла из жизни твоя мама. Счастье хотя бы в том, что тебя нашел отец и жил с тобой остаток своей жизни. Ему повезло хотя бы в этом.

Да... Судьба иногда отнимает счастье, но иногда и возвращает. Григорий и Ольга через пятьдесят лет нашли друг друга.. Но если Ольга все помнит, то им вдвоем предстоит еще пройти долгий путь к полному выздоровлению Григория.

Глава 9. Момент истины

Ольга была полна решимости дойти до победного конца. Она решила поехать в военкомат и попросить личное дело Анатолия Васильевича Петрова, инвалида первой группы. Ей не хотелось видеть потерянное лицо Гриши, когда она будет ходить вместе с ним по инстанциям. Поэтому она попросила его не волноваться, она поедет одна и будет держать его в курсе всех событий. В военкомате пожилую женщину встретили уважительно. Она с внутренней улыбкой подумала, насколько древней она выглядит в глазах молодого офицера, если он назвал ее бабушкой и тут же попытался усадить на стул в приемной военкома.

Военком встал из-за стола и пошел навстречу Ольге Семеновне, поздоровался с ней, пригласил пройти и сесть в кресло, в углу кабинета, а сам сел напротив нее. Такой теплый и неофициальный прием вселил некую надежду в измученную душу пожилой женщины.

– Ольга Семеновна, я вас слушаю.

Она в нескольких словах описала ситуацию. Что она хотела бы выяснить историю инвалида Петрова Анатолия Васильевича, потерявшего память в результате авиакатастрофы во время срочной службы. Рассказала военкому о том, что хочет помочь человеку восстановить память, поэтому будет пытаться найти родственников, которых, возможно, Анато-

лий Васильевич сможет вспомнить.

Офицер, который встретил ее в приемной, тут же по просьбе военкома принес личное дело Петрова Анатолий Васильевича. С фотографии смотрел на нее Григорий, уже в своем нынешнем облике. Такой, каким он стал после авиакатастрофы, обгорелое лицо, в ужасных шрамах. Но была и фотография Григория, очевидно, сделанная в госпитале, когда его выписывали после окончания курса лечения. В глазах Григория читался страх. Ольга Семеновна понимала причину страха Гриши. Он же отказался от жизни в доме инвалидов Советской Армии. Сказал, что знает, куда поедет, что у него есть дом. А страх в глазах говорил о неуверенности. Куда идти и кому он нужен?

Однако в личном деле были документы и автобиография в том числе, написанные лично рукой Анатолия Петрова. Ольга Семеновна даже достала из сумочки очки. Руки ее дрожали. Она хотела посмотреть, похож ли почерк Анатолия Петрова на почерк Гриши. Она никогда бы не забыла его почерк. Такой мелкий и ровный! Никто в их классе не мог писать буквы мельче, чем Гриша. Его мелкие буковки и цифры некоторым учителям даже в очках было трудно разобрать, и они все время просили Гришу пощадить их глаза. Ну, нельзя же так издеваться над пожилой Анной Ивановной, преподавателем русского и литературы, которая работала в школе уже в пенсионном возрасте и носила очки с выпуклыми линзами. Гриша извинялся, обещал писать покрупнее, но ниче-

го не менялось...

Нет, думала про себя Ольга Семеновна, эти крупные буквы и наклоном в левую сторону совершенно не напоминали ничем почерк Гриши. И тут же она увидела заявление, написанное рукой Гриши, но от имени Анатолия Васильевича Петрова, что он прописан в городе Калуга по улице Липовой, дом 17. Но это же совершенно другой почерк! Как не обратили работники военкомата внимание на этот важный момент. Человек, потерявший память, пишет совсем другим почерком заявление на выдачу пенсии по инвалидности и указывает свой адрес в Калуге...

Военком с интересом и любопытством наблюдал за тем, как взволнованно женщина знакомилась с делом инвалида Петрова, потерявшего память полвека назад. Он даже улыбался... В его понимании эта пожилая женщина занималась глупостями. А Ольге Семеновне было не до смеха. Она сняла очки и военком увидел глаза женщины, полные слез. Она показала на последний документ и попросила военкома сравнить почерк Петрова до катастрофы и после нее. Разница была очевидна. У руководителя военного комиссариата города Калуги был вид изумленный и даже испуганный.

Без лишних комментариев Ольга Семеновна попросила найти в архиве дело призывника Кораблева Григория Дмитриевича 1963 года. Удивительно, но дело все-таки сохранилось. Его нашли среди документов, подготовленных на уничтожение всвязи с истечением срока хранения. Военком от-

крыл дело и замер. Он моментально понял суть дела. Для чего эта интеллигентная пожилая женщина просила и одно, и другое дело. Ясно было, что парень оказался с обезображенным лицом. Он потерял память, опознавать было некому. В те годы, полвека назад, никто не делал генетическую экспертизу, как это делается сейчас. Человек всю жизнь жил под чужой фамилией.

Ольга Семеновна молча смотрела прямо военному в глаза. Он тоже не отводил от нее своих синих глаз. Молодой офицер годился ей во внуки... На глазах у женщины выступили слезы, которые стекали по щекам и она не могла успокоиться. Ее просто трясло... Вслух она произнесла лишь одну фразу:

– Я – невеста Кораблева Григория Дмитриевича. Я хоронила его маму и урну с прахом Гриши. Его мама умерла в тот же момент, когда увидела урну с именем своего сына. Я похоронила их обоих в одной могиле... Я всю жизнь была одинокой. Я пронесла через всю жизнь свою любовь к Грише. Оплакивала его. А он... он же был жив!

Последние слова Ольга Семеновна выкрикнула. Она была на грани истерики. Ей стало плохо с сердцем. Кто-то из сотрудников забежал с валидолом. Женщина рыдала, она не могла понять, как могли в госпитале или в части решить, что погиб именно Григорий.

Ну да, рост у парней был одинаков. И темные глаза. Но на фото у Анатолия Петрова разрез глаз значительно от-

личался. У Гриши были более продолговатые глаза, напоминавшие глаза египтян. А у Анатолия Петрова были круглые черные глаза. Одним росчерком пера какой-то невнимательный штабист лишил жизни мать Гриши, лишил ее единственного сына, а Ольгу лишил счастья прожить жизнь рядом с любимым человеком. Она не видела разницы, есть ли шрамы на лице Гриши или их нет. Для нее он был важен сам и красивым казался даже со шрамами.

Ольга Семеновна немного успокоилась, но слезы ее не кончились. Офицер принес ей чай с лимоном. Она закрыла лицо руками, ее плечи сотрясались от плача, она плакала беззвучно. Когда она окончательно успокоилась и подняла глаза на военкома, ему хотелось умереть на месте. Он чувствовал огромную вину перед семидесятилетней женщиной за плохое исполнение служебных обязанностей своих предшественников, которых уже могло и не быть на этом свете. А если были, то они не испытали такого горя... Они могли искренне считать, что работали достойно и достойно встретили старость в своей семье, в окружении детей и внуков. А эту женщину лишили радости именно те люди, которые не вникали в детали. Выписали документ о смерти живому человеку, ни в чем не повинному, лишив его семьи. Все это военком понимал и чувствовал себя виноватым. Хотя и не он совершил ошибку.

Он встал, подошел к Ольге Семеновне, извинился перед ней и спросил ее коротко:

– Чем сейчас я могу помочь вам?

– Самое главное, что вы можете сделать для Григория, это найти хорошего доктора и помочь вернуть память. Он всю жизнь был инвалидом. Хочу, чтобы старость он провел по-человечески. В семье. Со мной. Я чуть не уехала из Калуги навсегда. Встретила его на нашей скамейке в парке над рекой, где мы с детства с ним любили сидеть. Вот там я его и нашла.

Ольга Семеновна заплакала снова. Военком попросил ее подъехать завтра за направлением. За сегодняшний день он найдет самого лучшего врача, который имеет опыт, и у Григория появится шанс стать пенсионером, но здоровым, а не инвалидом первой группы.

Вслед за Ольгой Семеновной вышел офицер, который ее встретил в приемной военкома. Теперь он спросил, куда ее нужно отвезти. Она не стала отказываться и хотела отправиться домой. Но представила, в каком взволнованном виде она сейчас появится перед Гришей... Она получила такое подтверждение истинного лица Гриши, что сомневаться уже не приходится. Теперь нужно все силы бросить на его выздоровление, возвращение памяти. Ольга вспомнила, как Гриша волновался, когда она ему начинала что-то рассказывать, а он силился вспомнить эти события, но ничего не получалось. В его памяти был полнейший провал, и от этого он страдал еще больше.

Сейчас Ольга решила прийти в себя, немного успокоиться

и попросила подвезти ее к педагогическому институту. У нее было несколько свободных часов, чтобы войти в здание института, побродить по коридорам, почувствовать родной запах аудиторий, где они набирались ума в юные годы.

Где сейчас все ее однокурсники? Теперь кого-то из них можно увидеть сидящих на лавочке и наблюдающих за внуками, а кто-то уже никогда не встретится...

Ольга остановилась перед зданием института и не узнала его. Основной корпус уже не был главным. Рядом возвышалось новое современное здание, удивительно гармонично вписавшееся в единый архитектурный ансамбль зданий ее родного института. Конечно, никого она там не ожидала увидеть из однокурсников, все давно уже вышли на заслуженный отдых. Но пройтись по коридорам, посмотреть, как живут студенты сегодня, она вполне сможет.

Она помнит, как поддерживали ее парни и девчонки, когда узнали о гибели жениха. Помогали ей в подготовке к экзаменам, относились к ней бережно и чутко. Они помогали ей выжить. Она выжила... Эх, сколько страданий она пережила... А ведь не случайно ей приснился сон, когда Гриша ее успокаивал и просил не плакать, а ждать. Сказал, что жив... Пятьдесят долгих лет прошло... Она все-таки была здорова, а как Гришенька жил в одиночестве. Он и отца не вспомнил. Но хотя бы отцу подарил счастье прожить с сыном более двадцати лет.

Ольга не могла успокоиться. Ей хотелось снова плакать.

Но теперь появилась надежда на выздоровление Гриши. Она будет использовать любой шанс. Они еще будут счастливы. И она подумала, что ни ее мама, ни гришина уже не смогут узнать, что она все-таки нашла Гришу. И не смогут за них порадоваться...

Она шла по коридору. Вот здесь была их аудитория. Вот она, слева вторая дверь. А здесь огромная стена, на которой в годы ее обучения обычно размещали всю важную информацию, которую нужно было довести до каждого студента. Ольге стало интересно, чем живут современные студенты. Она остановилась, достала свои очки, не торопясь протерла салфеткой стекла, нацепила очки на нос и подняла взгляд на стену.

Оказалось, что здесь теперь находится несколько другая информация. Крупные буквы, расположенные у самого потолка были написаны золотом, расположенном на бирюзовой основе: Гордость института – наши выпускники.

Вся левая стена была заполнена фотографиями групп. Указывался год выпуска каждой группы. Ольга подумала:

– Да... в наши годы такого мемориала не было. А теперь сделали! Молодцы! Она посмотрела на самые верхние ряды. Там были фотографии выпускников, начиная с 1945 года. Наверное, разыскивали эти фото у выпускников тех лет... Ниже пошли выпуски пятидесятых лет, и вот выпуск их группы. Это было в 1968 году. Ольга с волнением рассматривала лица своих друзей. Да, конечно, у нее дома были фо-

тографии их группы, но именно такой не было.

Ольга даже не думала, что увиденное вызовет в ее душе такую бурю чувств. Она вытерла непрошенные слезинки и стала продвигаться вдоль стены. Теперь был блок фотографий студентов, получивших красные дипломы. Она увидела свое фото, увеличенное до размеров портрета... О! Это фото взято с ее студенческого билета! Ольге хотелось сесть где-нибудь и поплакать. Но сесть было негде. Зато она увидела, что вот здесь был кабинет преподавателей. И сейчас он был тоже здесь. Ольга постучала в дверь, ей ответили «Войдите». Она вошла. В кабинете было всего два человека. Преподаватели... Совсем молодые девушки.

Девушки увидели пожилую женщину в крайне взволнованном состоянии, у которой слезинки бежали по щекам, она пыталась успокоиться, но никак не получалось. Одна из девушек бросилась к Ольге и попросила ее присесть, принесла ей воды в стакане. Ольга выпила пару глотков и на вопрос девушки, чем она может помочь, ответила взволнованно:

– Мне вообще-то помощь не требуется. Я сегодня решила зайти в стены родного института, который я закончила в 1968 году. Увидела, с какой любовью сделали эту стену памяти. Уважение к выпускникам. Даже нашла свой портрет среди студентов, получивших красные дипломы. Кочеткова Ольга Семеновна – это я.

Девушка всплеснула руками:

– Ой, так вы с моей бабушкой вместе учились! Она тоже

в 1968 году окончила наш пендинститут. Постникова Татьяна. Помните ее?

– Танюшу? Конечно, помню! Я всех помню в нашей группе! Как она? Как ее здоровье?

Очевидно, вопрос Ольги моментально испортил настроение девушки, она помрачнела и сказала:

– Когда как. – помолчала и добавила – В целом неплохо. Если хотите, могу предложить вам встретиться с моей бабушкой. Она будет рада увидеть вас. Даже ехать никуда не надо, она живет здесь рядышком, через пару улиц.

Ольга подумала, что не случайно встретила она здесь внучку Тани Постниковой. Есть, наверное, причины, если внучка просит навестить ее бабулю.

– Почему бы и нет! Я зайду к ней. У меня как раз сегодня свободный день. Скажите мне адрес, и я сейчас к ней загляну.

Девушка сказала Ольге:

– Ольга Семеновна! У меня есть полчаса до начала лекций. Хотите, я вас провожу? Меня, кстати, называли в честь бабушки. Я тоже Татьяна.

Они вместе вышли из кабинета, и Татьяна показала Ольге Семеновне фотографии своего выпуска. Действительно, это было замечательно, так сохранить память о выпускниках института... Но еще более приятно было увидеть блок фотографий, где были фотографии преподавателей института из числа их выпускников. Вот и фотография Татьяны тоже

есть...

Действительно, Татьяна Постникова жила недалеко от института. Татьяна-младшая рассказывала, что бабушка сейчас живет одна. Восемь лет назад дедушка Коля скончался от сердечного приступа. И бабушка почти ни с кем не общается. Живет одна. Она пережила много горестных событий в жизни. Ее удел – одинокая жизнь в четырех стенах. Она, несомненно, будет рада увидеть подругу студенческих дней. Вы, наверное, Ольга Семеновна, помните, что произошло с моей бабушкой в ее молодые годы?

Ольга ответила:

– Немного, только в общих чертах... У нее была несчастная любовь, как мне помнится...

– Тогда я очень надеюсь, что вы знаете, как с ней нужно вести себя. Но она должна вас вспомнить и будет рада встрече. Я так думаю.

Глава 10. Исповедь Татьяны

Внучка не стала открывать квартиру бабушки Тани своим ключом. Она позвонила, и они с Ольгой Семеновной терпеливо ожидали, когда бабушка откроет дверь. Наконец, раздались шаркающие шаги, и дверь открылась. На Ольгу Семеновну смотрела несомненно Татьяна Постникова, с которой они вместе учились в институте. Если бы Ольга встретилась с Татьяной на улице, она ни за что не узнала бы подругу студенческих лет. Татьяна ничем не напоминала красивую видную девушку, оптимистично настроенную, отличницу... Теперь она превратилась в потерянную старушку, глаза которой ни на ком и ни на чем не останавливались надолго. Ей было трудно сосредоточиться... Она была довольно неопрятно одета, волосы собраны в хвостик.

На Ольгу Семеновну Татьяна посмотрела едва ли не с ненавистью. Но взгляд ее несколько смягчился, когда она увидела свою внучку Танечку. Бабушка заулыбалась и протянула руки навстречу:

– Заходи, заходи, моя хорошая! Я уже соскучилась по тебе. – И тут же спросила внучку, кивнув головой в сторону Ольги:

– А это кто с тобой?

– Бабуля, не узнаешь? Это же Ольга Семеновна Кочеткова. Вы учились в одной группе в институте. Ты помнишь ее?

Мы сегодня с Ольгой Семеновной встретились в институте. Она зашла посмотреть, не была здесь лет сорок.

— Кочеткова? Ольга? Что-то не припомню. — Татьяна приложила морщинистую руку ко лбу и призадумалась. Потом встрепенулась и спросила:

— Это ведь твой жених-то погиб в армии? И сама ты чуть не умерла?

Ольга кивнула.

— Видишь, моя дорогая внученька, я ничего не забыла! Все помню. Вот и Ольгу вспомнила! Проходи, Оленька!

Внучку порадовала перемена в настроении бабушки, и она тут же побежала на кухню, поставила чайник на плиту и накрыла стол в гостиной.

— Бабулечка, вы тут чаевничайте с Ольгой Семеновной, а я побегу. У меня начинается пара. Преподавателю опаздывать непозволительно! — Девушка быстро упорхнула, а бывшие однокурсницы остались вдвоем.

Татьяна чувствовала себя наедине с Ольгой не так свободно и легко, как в присутствии внучки. Но Ольга взяла в свои руки течение беседы и старалась расслабить свою бывшую однокурсницу. Она начала с комплиментов в адрес внучки Татьяны. Старушка расплылась в улыбке. Ольга уже даже в некоторой степени сожалела, что согласилась навестить Татьяну, поскольку каждое, неосторожно сказанное, слово могло в одну минуту сменить радушный настрой хозяйки.

Они сидели в мягких креслах напротив друг друга, и те-

перь Татьяна уже совсем не напоминала собой взъерошенную и беспокойную птицу. Она была предельно расслаблена и расспрашивала подругу о том, как прошла ее трудовая жизнь, какая ее семья. Где ее дети... Вопросов было много, все реальные, правильно поставленные. Одно лишь выдавало ее несконцентрированный ум и память. Она уже забыла, что лет тридцать назад они встречались с Ольгой и та ей рассказала, что воспитывает дочку одна, что живет во Владивостоке. А мама не хочет жить на Дальнем Востоке, поэтому Ольга старается навещать маму в Калуге.

Татьяна сидела напротив Ольги, слушала, кивала головой, а потом вдруг у нее навернулись слезы на глаза и она сказала:

– Знаешь, Оля, как грустно мне жить на свете, особенно после смерти моего мужа Коленьки. Никого видеть не хочется... Хоть бы какое радостное событие произошло, чтобы я могла вернуться в ту, прошлую и счастливую жизнь...

Татьяна опустила голову и тупо смотрела в пол.

– Да и там мало было хорошего. Ты ведь помнишь, что было со мной в мои молодые годы?

Ольга помнила все, что происходило. До сих пор все помнит, что с ней самой происходило. И с подругой тоже... Такое не придумаешь ни в одной мелодраме или приключенческом фильме... Так много всего загадочного и необъяснимого произошло тогда...

Однако вслух Ольга сказала:

– Помню то, что ты тогда озвучивала вслух. То, что ска-

зала ты сама. А слухи меня не интересуют никогда.

Вдруг Татьяна вскинула на Ольгу глаза и взволнованно спросила:

– Оля, а хочешь, я тебе расскажу, что там на самом деле произошло? Я ведь никому никогда не рассказывала. Могу не помнить, как зовут мою соседку на площадке, а вот события полувековой давности отпечатались в мозгу так, как будто это все случилось вчера.

– Если ты не будешь волноваться, то Расскажи. Я не хочу, чтобы к тебе вернулось состояние тревоги.

Ольга боялась, что состояние Татьяны ухудшится. Но пожилая женщина теперь выглядела совершенно здоровой, глаза ее ожили. Это могло быть связано с приходом Ольги. Слишком долго Татьяна находилась среди своих мыслей и воспоминаний в одиночестве. А Ольга как будто принесла с собой струю свежего воздуха. Она налила им обоим свежего чая, села поудобнее в кресло и сказала:

– Оля, слушай! Я даже маме об этом не рассказывала. Честное слово, ведь я много раз хотела умереть. Но теперь это уже все в прошлом. Я пережила все, что выпало на мою долю. Ни с кем не могу обсуждать эту тему. Внучка тут же начинает беспокоиться о моем психическом состоянии. Оля, а ты помнишь, когда мы с тобой познакомились на первом курсе? Какой я была?

– Да уж, конечно, помню. Смешливая и жизнерадостная девчонка ты была, Танечка! На нашем курсе все парни меч-

тали завоевать твое внимание. А старшекурсники ходили за тобой как на веревочке! Я помню, какая ты была красавица! Жаль, молодость пролетает настолько быстро, что не успеешь оглянуться, как ты уже давно сидишь на пенсионном пособии!

Обе дружно рассмеялись и взялись за чай. Татьяна улыбнулась и продолжила рассказ:

– Да, Оленька, согласись, что познакомиться с мужчиной и влюбиться очень легко. Гораздо труднее пройти путь испытаний. Не всегда любовь дарит радость, далеко не всегда... Вот у меня как раз именно такой случай. Одно горе, разочарования и короткие моменты надежды и счастья. Разве это назовешь любовью? Как я сейчас понимаю, это похоже на зомбирование. Душа не откликается на зов сердца. Человек совершенно разбалансирован. Я это испытала на себе.

С Рудольфом я познакомилась на первом курсе. Мы как раз готовились к экзаменам. Мы с Нинэлькой собрали учебники и пошли в парк. Разложили конспекты на травке под тенью огромного дуба и проходили все с первого до последнего билета по истории. У нас были бутерброды из дома и термос с чаем. Мы повторяли билеты и хохотали постоянно. Беззаботная молодость! Вдруг я почувствовала тревогу. Мне казалось, что кто-то рассматривает меня, как муху через увеличительное стекло. Беспокойство возникло в душе. Я оглянулась вокруг, но поблизости никого не было. Мы продолжили заниматься с Нинэль.

Ощущение беспокойства не покидало меня. Я исподтишка начала просматривать всю окружающую местность. В кустарнике мелькнул солнечный зайчик, на секунду ослепивший меня. Зайчик тотчас же исчез. Значит, в кустарнике кто-то скрывается и тайно рассматривает нас. Это уже было не смешно. Я вскочила и напрямик бросилась к этим цветущим кустам сирени. В ароматном сиреневом облаке сидел парень и, как ни в чем не бывало, улыбался мне самой доброжелательной улыбкой.

Я строго спросила:

– Что вы тут детскими забавами занимаетесь? Ослепляете нас солнечными зайчиками?

– Девушка, вам показалось! Это стекла моих очков так вас ослепили... А в целом, я не Бармалей! С чего вдруг я буду причинять вам неудобства? Я также, как и вы, занимаюсь подготовкой к экзаменам.

– А... Тогда нет вопросов! – Я повернулась и пошла на свою полянку.

– Девушка, минутку! – Парень быстро подскочил ко мне и сказал с улыбкой:

– Меня зовут Рудольф! А вас как?

– Татьяна.

Рудольф тут же с юмором продекламировал:

– Рудольф плюс Татьяна – пара без изъяна!

Я почему-то рассердилась. Мне не нравилось, с какой уверенностью он нас в первую же минуту соединил в пару «без

изъяна».

– Ерунда! Готовьтесь к экзамену!

– Танечка, я не буду вам мешать. Можно я буду заниматься с вами рядышком, на вашей полянке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.